

Agamali-ogly

Vzaščitu novogo
tjurkskogo
alfavita.

Баку 1927

Fai

21433

107
N. 123

С. АГАМАЛИ - ОГЛЫ

Fai 21433

**В ЗАЩИТУ
НОВОГО ТЮРКСКОГО
АЛФАВИТА**

Fai
21433

3-11

„АЗГИЗ“
1927

С. АГАМАЛИ-ОГЛЫ.

Агамали: Очерки 1930/245

В ЗАЩИТУ
НОВОГО ТЮРКСКОГО
АЛФАВИТА

„АЗГИЗ“
1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Bibliothek der
Deutschen
Morgenländischen
Gesellschaft.

ПЕЧАТАНО
в типографии
„АЗГИЗ“ № 1.
Баку, Б.-Морская, 16.

Fai 21 433

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Теоретическое обсуждение вопроса о замене арабскою алфавита новым тюркским, на латинской основе, для народов арабской письменности, в сущности, нужно было бы считать уже законченным, так как дискуссия ведется давно, и все, что нужно было сказать за и против, уже сказано. Наконец, дискуссия завершилась постановлением тюркологическаго Съезда в марте месяце 1926 г., когда была принята следующая резолюция:

«1) Констатируя преимущества и техническое превосходство новаго тюркскою (латинскою) алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение новаго алфавита, сравнительно с арабским, Съезд считает введение новаго алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждою народа.

2) В связи с этим Съезд констатирует факт огромнаго положительнаго значения, заключающійся во введении Азербайджаном, областями и республиками СССР (Якутией, Киргизстаном, Ингушетией, Карачаево-Черкесской, Кабардинской, Балкарской, Осетией и Чечней) новаго тюрко-латинскою алфавита. Отмечая и горячо приветствуя положительную работу, проделанную означенными областями и республиками в области введения новаго тюркскою (латинскою) алфавита, Съезд рекомендует всем тюр-

ко-татарским и другим народам изучить опыт и метод Азербайджана и других областей и республик СССР, для возможного проведения этой реформы у себя».

Но бессмертные слова т. Ленина о том, что «мертвое держит за живое», навсегда останутся верными, так как все новое должно иметь своих противников из недр старого общества, иначе бы в жизни действовал закон идеализма, а не диалектического материализма.

Спор вокруг новой тюркской алфавита из технической области перешел в область политическую и национальную. Противники новой алфавита вопиют теперь о разрушении веками созданной мировой исламской системы, частицами которой являются различные народы и национальности, которые в этой системе имеют свою собственную жизнь, и которыми теперь грозит отрыв от этой системы и блуждание в одиночестве.

Это грозное предсказание не заслуживало бы внимания,*) если бы не некоторые моменты их разорванной фантазии, в роде того, что борьба новой алфавита со старым есть отражение древней исламо-христианской борьбы.

*) Доля правды в этом предчувствии, конечно, есть, и жалеть о разложении мировой косности и рабства нет никаких оснований, но целиком винить на алфавит — это достойное сожаления невежество, ибо исламской системе несут разложение две борющиеся мировые силы: развивающийся капитализм, с одной стороны, и крепнущий коммунизм — с другой; кроме того, ислам, как и все явления мира и истории, покорен великому диалектическому закону изменчивости. Алфавит — только надстройка над развивающейся экономикой, правда, довольно могущественная.

Мы вынуждены выступить с ответом, так как один из этих витий, именно Алимджан Ибраимов, после ряда недопустимых по своему содержанию статей, самого реакционного свойства, гордо заявляет, что он прав, раз ему не ответили, не понимая того, что не всякая вещь заслуживает ответа. Однако, другой его соратник, Алимджан Шараф, наговоривши не мало несуразностей в «Вестнике Научного Общества Татароведения, № 5,*) побуждает нас внести значительные поправки к его рассуждениям и добавить некоторые новые соображения.

Упомянутые мною два автора являются самими типичными выразителями настроения старого исламского мира, поэтому они заслуживают самого сурового внимания.

*) Издание Акад. Центра Народного Комиссариата Просвещения ТССР, 1926 год.

1. История проведения в жизнь нового тюркского алфавита в Азербайджане.

Вопрос о новом алфавите, прежде всего и главным образом, есть вопрос технического удобства письменности... «Рационализировать графику данной национальной письменности, сделав ее легчайшим средством изображения звуков данного языка, это значит: единым организованным приемом раз навсегда облегчить дело народного учителя, сократить срок обучения грамоте и тем приблизить народные массы к полной поголовной грамотности.»*)

Вопрос о новом алфавите хотя и возникал в дореволюционное время, но только после советизации в тюрко-татарских странах, переживших революцию, стал чрезвычайно актуальным, первостепенным в области культуры, я бы сказал, в области хозяйства, так как в современное хозяйство и экономику (даже индивидуальные) письменность входит уже, как более или менее сильный элемент производительных сил в материальном производстве. Таким образом, с «одной стороны, стояло на очереди упорядочение средств традиционного арабского алфавита,

*) Проекты латинизации турецких письменностей СССР проф. Поливанова, В. Д., изд. Узгиза, Ташкент.

с другой (в виду принципиальных до конца, ни в коем случае неискоренимых неудобств арабского алфавита) — переход к совершенно иному, простому, а потому и более совершенному письму латинскому*) — являлся неизбежным. И так, как я сказал выше, вопрос об алфавите есть вопрос производственной техники. Между тем, спор вокруг нового алфавита, приняв форму спортивной, неудержимой полемики, перешел из области техники в область политическую, национальную, религиозную и пр. И, конечно, как это и полагается, при повышенном настроении, наговорено весьма много несуразностей взаимно по адресу оппонентов.

Я здесь останавливаюсь, главным образом, на политической и национальной стороне вопроса, на которой преимущественно базируются противники нового алфавита — Алимджан Шараф, Алимджан Ибрагимов и другие. Техническую же сторону, — как, например, «удобство и быстрота письма», «удобство и быстрота чтения», «полиграфическое удобство» и пр., — оставляю в стороне, так как обе стороны ничего нового к прежде сказанному не прибавили, и мне теперь повторяться не следует. Но все-таки я считаю необходимым, на все эти замечания, а также для облегчения освещения вопроса со стороны политической, национальной и культурной, вкратце рассказать историю и метод

*) Проекты латинизации тюркских письменностей СССР проф. Поливанова. Слова в скобках тоже принадлежат ему.

проведения в жизнь нового алфавита в Азербайджанской республике. Это необходимо еще и для того, чтобы в дальнейшем делать ссылки на легкомысленные выступления противников.

Комитет нового тюркского алфавита организовался в марте 1922 года. Материальная база Комитета была весьма скудна и состоялась, главным образом, из частных сборов и от сбора с устроенного вечера «Нового Тюркского Алфавита», который имел большое агитационно-пропагандистское значение, и в котором приняли горячее участие, кроме коммунистов, большое количество беспартийных, тюркские интеллигентные женщины и сторонники алфавита из учительства. И могу уверить Алимджан Шарафа: на вечере было общество, — я говорю об интеллигентской части — весьма и весьма обученное и грамотное по арабскому алфавиту.*)

Первый номер еженедельной газеты «Ени-Иол» вышел 21 сентября 1922 г., и за неделю было распространено 37 экземпляров; по видимому, покупателями были неизвестные любители, ибо тогда ни школ, ни грамотных по этому алфавиту не было. Газета имела практически-агитационное значение. Постепенно Комитет стал организовывать школу. К концу года газета имела тираж в 1200 экземпляров, из коих 1000 экз. платных.

*) Алимджан Шараф одной из причин развития латинизации считает малограмотность зачинателей этого дела и их сторонников.

В 1923 году газета имела тираж уже в 1500, в 1924 году 1800 экз., и с 11-го декабря 1924 г. газета стала ежедневной. В 1925 году она имела тираж в 4500 экз., в 1926 году 6000 экз. (в ноябре месяце более 6500).

По данным доклада Азербайджанской РКИ по обследованию состояния нового пюркского алфавита в республике, произведенному в сентябре и октябре 1926 г., за 1925/26 год мы имеем:

1925/26 год	Число выпущ. экз.		Городской тираж		Тираж в деревне		Осталось в редакции	
			0/0		0/0		0/0	
Октябрь	2000	718	36,4	900	45,0	377	20,4	
Ноябрь	2500	1540	61,7	762	30,4	197	7,9	
Декабрь	3000	1822	60,7	903	30,1	275	9,2	
Январь	4800	2269	47,2	2185	45,3	343	7,5	
Февраль	4700	2244	47,7	2182	46,4	274	5,9	
М а р т	5000	1919	39,9	2553	51,6	529	10,7	
Апрель	6000	1938	32,3	3813	63,5	284	4,2	

Количество школ (ликпунктов) по новому алфавиту:

РАЙОН	Язык преподавания	Тип групп	Число групп	Чис. групп, давших свед. об уч.		Число учащихся в них	Чис. групп, дав. свед. об оконч.	
Гор. Баку, при- вокз. район и села Бакуезда	пюрк (НГА)	азбучн.	120	90	2049	104	1844	
		малогр.	17	17	330	17	281	
			137	107	2379	121	2125	

Таким образом, на каждую азбучную группу приходится, в среднем, 23 учащихся (2049:90) и 18 окончивших (1844:104); в каждой же группе малограмотных обучалось, в среднем, 20 чел., окончило 16. Следовательно, в первых группах окончило 78 %, а во вторых 80 % всех поступивших.

По отчетам за 1925/26 учебный год, открыты следующие курсы за счет:

АСПС азбучн. гр . . .	313,	пов. шипа	274	ВСЕГО	587 гр.
Главполит. азбуч. гр .	1243	„ „	—		1243 „
Бакполит. „ „ .	104	„ „	17	121 „	
Союза Горняков „ .	101	„ „	—	101 „	
Итого . . .	1761	„ „	291	2052 „	

Применяя выведенные выше средние коэффициенты, мы получим:

1. АЗБУЧНЫЕ ГРУППЫ.

	Число групп	Коэф. учащ.	Всего учащ.	Коэф. оконч.	Всего оконч.	% окончивших
А. С. П. С.	313	23	7199	18	5534	78,6
Главполитпросвет . .	1243	„	28589	„	23374	„
Закполитпросвет . .	104	„	2392	„	1872	„
Союз Горняков . . .	101	„	2323	„	1818	„

2. КУРСЫ ПОВЫШЕННОГО ТИПА.

	Число групп	Числ. коэф.	Всего учащих.	Коэф. оконч.	% окончивших
А. С. П. С.	274	20	5880	16	60
Закполитпросвет.	17	„	340	„	—
Итого	291	„	5820	„	

Таким образом, число окончивших курсы азбучного и повышенного типа за 1925-26 в АССР (без Аздивизии) составляет 37254 чел.; по сведениям ЦК НТА, до 1925-26 учебного года

ликвидировало свою неграмотность на НТА 16204 чел., в Грузии — 8200 чел., в Армении 12454 чел. Всего по Закавказью насчитывается 74108 чел. (37254 + 16204 + 8200 + 12454), ликвидировавших свою неграмотность на НТА. По данным статопдела Наркомпроса за 1925-26 учебный год, в 1-х группах школ 1-й ступени обучалось на НТА 35355 детей. Таким образом, по Закавказью грамотных на новом тюркском алфавите — 109462 чел. (74108 + 35355), причем означенное число является минимальным, ибо в это число не входят ликпункты Аздивизии, и, кроме того, введенные нами коэффициенты — 18 чел. окончивших для азбучных групп и 16 чел. для групп повышенного типа, — не являются преувеличенными. Но если к этому количеству грамотных по новому алфавиту прибавить грамотных среди азербайджанских аскеров, имеющих на новом алфавите свою газету, с тиражем в несколько тысяч, затем интеллигенцию с учительством вместе, в огромном большинстве своем также грамотных по новому алфавиту, — то мрачные гадания Алимджан Шарафа по отношению к новому алфавиту и блестящие надежды его на реформированный арабский алфавит являются, по меньшей мере, преждевременными, ибо слишком уж показателны для каждого непредубежденного читателя приводимые выше цифры, указывающие на степень распространения нового алфавита среди всех слоев населения АССР.

Он, Шараф, между прочим, пишет: «Проводимая реформа арабских систем и все

увеличивающееся и развивающееся, в связи с культурным и экономическим развитием тюркских народностей, приспособление арабских шрифтов к более высоким формам каллиграфической техники (как-будто это возможно!), а также начавшаяся реформа орфографии у оставшей в этом отношении части тюркских народностей — все это должно ликвидировать последние реальные формы латинизма (Саг-ол! — будь здоров!), а с каждым днем развивающаяся письменная культура, рост школ и процент грамотности на родном языке, рост общественности и прочие факторы культурно-экономического и политического развития приведут к невозможности постановки вопроса о переходе к латинизации не только со стороны, происходящей из тюркской среды, но и извне». Здорово! Недаром тюркская поговорка говорит: «голодная курица всегда видит во сне просо».

Относительно знаменательной фразы: «но и извне» — мы дадим пояснение ниже, а пока заметим, что если действительно в тюрко-таатарских странах идет культурно-экономический и политический рост, в чем мы, с своей стороны, не сомневаемся, то потребности именно этого роста должны вышвырнуть вон из оборота жизни пробуждающихся народов не только арабский шрифт, но и всю реакционную арабщину. Но об этом после, пока же перейдем к истории нового алфавита в Азербайджане.

Удовлетворительный успех нового шюркского алфавита в Азербайджане объясняется исключительно доступностью и легкостью его по сравнению со всеми прочими. Комитет организовал показательные ликпункты для абсолютно неграмотных рабочих и крестьян, которые сначала шли с большим трудом в эти школы, но достаточно было нескольких месяцев, чтобы комитетские ученики явились самыми преданными и убежденными агитаторами-пропагандистами в пользу нового алфавита. Из арабских ликпунктов, существовавших параллельно, люди массами стали переходить в новые школы, по той простой причине, что, во-первых, ликвидация неграмотности шла в старых школах с огромным запозданием, и, во-вторых, грамотные по-арабски не все книги и газеты могли читать, а только то, что было пройдено, тогда как по новому алфавиту, хоть и по складам и зачастую не понимая содержания, могли читать все. Вот именно эта явная доступность нового алфавита и взяла вверх, вопреки всяким лукавым мудрствованиям.

Шесть тысяч с лишним подписчиков на газету, существующую всего несколько лет, — цифра, по нашему мнению, достаточно внушительная для того, чтобы вразумить даже самых ярых противников нового алфавита.

Наряду с ликпунктами, имели огромное значение и партийная агитация, и пропаганда. Единогласные постановления партийных организаций, постановления Всеазербайд-

жанского 3 и 4 С'ездов Советов, постановления Тюркологического С'езда о латинизации, легкость самой азбуки, в связи с огромными запросами жизни, небывалая тяга к просвещению трудовых масс, обновленного могучим духом революции, и сугубое внимание партии и правительства к новым требованиям,—все это не могло не повлиять положительно на успех нового алфавита в Азербайджане.

Таким образом, мы избавлены от необходимости возражать Алимджан Шарафу на его различные абсурдные теоретические соображения, в роде: «движения часовой стрелки справа налево по направлению, якобы, арабской письменности», соображения, аллах ведает, к чему. Вообще, у арабистов нельзя понять, выражаясь по-ленински, «что к чему». Возьмем пример: движение той же часовой стрелки,—который будто бы подтверждает преимущества арабской письменности. В действительности, наоборот: если взять часы, поставив их перед собой, провести через центр горизонтальный меридиан, пересеченный перпендикуляром через центр же, то Алимджан Шараф воочию убедится, что стрелка движется слева направо. Но к чему это? И что поясняет оно в природе письма,—известно только Шарафу. А если такое движение есть аргумент, то оно в пользу только латинского алфавита, ибо совпадает с направлением его писания. В таком случае еще больший аргумент, если только это аргумент, можно привести из физического же ми-

ра в пользу латинского писания, а именно: став лицом к северному полюсу, мы сейчас же заметим, что земля вертится вокруг оси слева на право, опять-таки, значит, обратно направлению письма арабского алфавита. Или возьмем другой пример (тоже «аргумент» Шарафа) — начальное обучение детей, так называемым, американским способом, т. е. обучение не отдельным звукам (звуковым методом), а усвоение цельного слова. Я пропив этого метода ровно ничего не могу возразить, так как он одинаково полезен для всех алфавитов, в особенности для тех, которые, по своей конструкции, более или менее близки к иероглифу и не разлагаются на отдельные буквы, как, наприм., по арабскому писанию: Гасан, Гусейн, Мухамед, Али, и проч. Их действительно лишь взубрежку можно усваивать, запоминать. Недаром старая мусульманская педагогика еще ранее изобретательных янки пользовалась именно «методом усвоения цельными словами». Только с 80-х годов прошлого столетия, после долгой борьбы известного крымского писателя Гаспринского, стали вводить так называемый «усули джадид», т. е. звуковой метод, который, к несчастью, не вполне применим к арабскому алфавиту, в виду большего процента в нем рисуточности, а не буквенности. В том именно и беда, что к арабскому алфавиту не вполне применим звуковой метод. Между тем, посредством его только можно удостовериться в правильности чтения, и, значит, он не только является методом обуче-

ния, но и методом контроля; и если, как говорит Шараф, «отдельные буквы, входя в состав слова, имеют служебную роль», то без звукового метода эта служебность никакого смысла не имеет. Американский метод может быть только подспорьем основному методу, именно звуковому. При алфавите неполнобуквенном, в роде арабского, а также и реформированном казанском, т. е. при письме, не разлагаемом на буквы, нет возможности пользоваться вполне верным и сильным звуковым методом, методом анализа, а обучающиеся вынуждены применять только силу памяти, иначе говоря зубрежку.

Статья Алимджан Шарафа «К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта», помещенная в журнале «Вестник Научного Общества Татароведения», № 5, за 1926 г., включает в себе много интересных деталей. Оказывается, что направление арабского письма справа налево совпадает с законами физиологии. Он пишет: «Известный педагог Блонский в своем труде «Педагогика массовой школы» говорит, что многие русские дети на первом месяце обучения письму пишут буквами справа налево, т. е. с движениями по часовой стрелке», (в действительности, часовая стрелка движется обратно, т. е. слева направо) и проч. Ясно, сама природа за арабский алфавит! Я Шарафу напомню другой закон, также физиологический, закон организма еще более раннего возраста. Например, в первое время новорожденные видят все предметы вверх ногами.

Спрашивается, следует ли эту начальную естественность, почему-то потерянную нами, путем опытов противоположного направления, восстановить вновь, что, очевидно, и случилось с Шарафом? А не следует ли, на самом деле, как в первом примере (писание в детстве справа налево), так и во втором (изображение предмета вниз головой в раннем возрасте) видеть низшее проявление организма, которое, путем количественного изменения, необходимо переходит в новое высшее качество — письмо слева направо и изображение предмета головой вверх? *)

Таких курьезных технических мудрствований, якобы научных, в статье Шарафа много,

*) Алимджан Шараф, повидимому, уверен, что писание справа налево в арабской письменности является великим достоинством, согласованным раз навсегда с законами физики и биологии. Между тем, письменность также подчинена закону развития под действием растущей и осложненной практики. Так, автор истории письмен., Я. Б. Шницер, в предисловии к своему труду говорит: «Письмена, подобно языкам, не выдумывались и не изобретались отдельными личностями, как это принято было думать на основании преданий, а вырабатывались и развивались одно из другого, подчиняясь тем же законам эволюции и постепенного развития, каким подчинены происхождение миров, происхождение животных, растений и, вообще, всего того, что когда-либо возникало и возникает в природе».

Шницер доказывает происхождение всех письмен из одного источника — рисуточности или картинного письма. В дальнейшем развитие письменности подразделилось, согласно условий времени, культуры, языка данного народа, так, что осложняющаяся практика давала в письменности те или иные существенные изменения. Это лучше всего видно на изменении направления греческой письменности, которое ранее также было спра-

останавливаются на них не стоит, все они уже опровергнуты азербайджанским опытом. Ведь здесь-то вопрос заключается в том, как легче и дешевле сделать грамоту массовой, всеобщей, а отнюдь не достоянием только определенной части населения. Вот на это-то именно не способен даже реформированный арабский алфавит, потому что никакие реформы, которые, кстати сказать, давно уже проделываются над ним, уничтожить его недостатки не могут, — такова его природа, — «горбатого могила исправит». А для арабского алфавита могила не совсем уж за далекими горами, если только колесо прогрессивного развития тюрко-татарских на-

ва налево. А потом появились и строчки слева направо (Буспрофедом). Эти параллельные направления существовали довольно продолжительно, причем последовательно направление справа налево уступило направлению слева направо.

Вот что пишет об этом упомянутый автор «После Геродота, т. е. с IX в. до Р. Х., этот способ письма с двойным направлением строки начинает попадаться все реже и реже и, наконец, совсем исчезает, окончательно уступив свое место современному направлению — от левой руки к правой, который после продолжительного опыта и сравнения оказался наиболее удобным и наименее утомительным для пишущей руки.»

Итак, в человеческом обществе все развивается единством теории и практики, а не каким-то метафизическим началом «движения часовой стрелки.»

Закон диалектики действует также и в письменности, как в обществе, мышлении и природе; поэтому если заменить фразу «законам эволюции и постепенного развития» фразой «законам диалектического материализма», то мы станем ближе к истинному развитию письменности.

родностей или внешней силой, или каким-либо чудом не будет повернуто обратно.

Нужно помнить, что арабская письменность и латинская имеют одно происхождение, один источник — семитический или, как его обыкновенно называют, финикийский алфавит*).

Отсюда нельзя ли предположить, что латинский алфавит является в процессе диалектического развития письменности, под давлением роста производительных сил, качественно высшей формой, в то время как арабский алфавит есть низшая стадия этого развития. На эту мысль наводит история возникновения и изменения письменности.

Во всяком случае, латинский алфавит внес опыт более высокой и прогрессивной культуры человечества, чем арабский, ставший достоянием отсталых народов, опыт которых включает в себе столь же мало

*) „Финикийский алфавит“ является не более и не менее, как опцем всех ныне существующих алфавитных систем. К нему восходят все алфавиты Азии, а к южно-семитическому (древне-арабскому) шрифту, отделившемуся очень рано от финикийского письма, восходят все алфавиты Африки. Что касается алфавитов Европы, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Родоначальником европейских алфавитов является греческий, восходящий, судя по финикийским названиям своих букв (альфа, бета и т. д.), к «финикийскому» шрифту. Действительно, формы многих греческих букв указывают на финикийское происхождение, но, с другой стороны, имеются буквы, наприм., сигма, «напоминающие своей формой буквы южно-семитического алфавита». (Проф. В. В. Струве — «Происхождение алфавита», 1923 г., стр. 5)

беспорного, как и мудрствования Алим-
джан Шарафа.

Не реформировать надо арабский алфа-
вит, а воспринять его высшую форму, соз-
данную историей — латинский алфавит.

II. Негодный метод.

У азербайджанских тюрков есть поговорка о том, что, когда у певца репертуар исчерпывается, он поет «нейним, нейним» (что делать, что делать?) Вожди арабизма тюрко-таатарских народов Союза, Алимджан Шараф и Алимджан Ибрагимов, за отсутствием убедительных соображений и веских аргументов в пользу арабского алфавита, отыскивая причину возникновения у этих народов печений в пользу латинизации, сделали замечательное открытие: оказывается, — причина латинизации кроется не в запросах жизни, не в росте производительных сил ее, преобладающих более совершенных орудий производства, и не в росте сознания народов, а в порочных людях, вызвавших это «блудливое» движение. Такой подход к объяснению общественно-прогрессивных явлений в истории не нов; например, первую русскую революцию 1905 года «дальновидные» слуги Николая объясняли «японскими деньгами: «японцы, мол, напустили на Россию своих агентов, подкупивших разных агитаторов и давших деньги на печатание подпольных листов и прокламаций». *) По соображению упомянутых вожд-

*) «Исторический материализм». В. Сарабьяна. Можно было бы и ближе взять пример: в 1917 г. говорили, что немцы в бронированном поезде нарочно отправили в Россию большевиков с Лениным, чтоб дезор-

дей, вопросы о латинизации были подняты или русскими миссионерами, вроде Ашмарина, Ильминского, или же людьми, имевшими другой порок, например: Мирза-Мелкум-хан — «армянин по происхождению», Мирза-Фатали Ахундов — «высоко покровительствуемый саванник при русском наместнике», Мамед Ага Шахтапинский «на Кавказе сотрудник монархических газет». Смелый Шараф прямо уверен в том, что «после февральской революции в Азербайджане, во время господства мусаватистов, движение за принятие латинского шрифта усилилось в кругах местной правительственной интеллигенции, приняв особенно широкие размеры после английского десанта в Баку». (Подлые англичане!) И далее этот замечательный автор говорит: «Я не имею достаточных данных, определяющих степень влияния на такую кардинальную постановку вопроса о переходе к латинскому шрифту в эпоху мусаватистов английского десанта» и пр. А нынешнее движение латинизации, как оказывается, дело рук «незначительных по численности групп партийной или беспартийной интеллигенции, не связанных или мало связанных с рабочими и, в особенности, с крестьянскими массами соответственных народностей». Словом, людей никудышных, романтически-идеалистических, и т. д.

ганизовать русское единство. Это так просто и ясно только для глупцов! Но кого же уважаемый Шараф за них принимает? Или это просто бред обезумевшего от неожиданности человека. Последнее ближе к истине.

Здесь ругани сколько угодно, а толку на грош.

Сперва маленькое замечание. У мусульман-шиитов было религиозное верование — не принимать пищи, заготовленной христианином, а пищевые продукты, принятые из рук гяура, обмывать, с соблюдением некоторых обрядностей. Я слышал даже, что сугубо благочестивые промывали и сахар. Но и эти боголюбивые люди не доходили до такого абсурда, до какого дошли в своей «чистоте» Алимджан Шараф и Алимджан Ибрагимов. В самом деле, кто же судит о достоинстве и ценности вещи, предметов потребления или произведений человеческого ума по тому, кто их творил, а не по тому, как создано с точки зрения потребительной ценности или научного и художественного достоинства? Полезность вещи, орудия определяется по данной потребности. Например, ежегодно в большевистские страны из буржуазных импортируют множество машин, производственного инвентаря и других предметов, причем считаются с качеством, а не с тем, кто их производил, коммунист или контр-революционер. Вообще, пользуясь вещью или человеческим произведением не по тому, что они принадлежат хорошим и честным людям, а потому, что они пригодны, полезны и приятны. Например, знаменитый русский критик Белинский за одни произведения превознес Гоголя до небес, и вполне справедливо, а за другие — того же Гоголя разнес. И кто же из коммунистов ли-

шип себя удовольствия прочесть «Войну и мир», «Крейцерову сонату» — творения графа Толстого, бывшего крупного помещика, учившего рабочих не сопротивляться злу?

Теперь перейдем к делу.

Прежде всего, маленькую справочку: мусаватисты во введении нового тюркского алфавита совершенно не повинны. Первая книга была составлена отдельным автором Абдуллабеком Эфендиевым, принадлежавшим, если не ошибаюсь, к партии «ахраристов», т. е. к крестьянской партии. Рукопись была заготовлена гораздо раньше, чем англичане появились в Баку, и раньше, чем предвиделось крушение немецкого фронта. Кроме того, лидер мусаватистов, Мамед Эмин, и сейчас в журнале «Ени-Кавказ» неустанно ратует против нового алфавита, и, замечательно, его аргументация весьма совпадает с аргументацией поварищей Алимджана Ибрагимова и Алимджана Шарафа.

Этого мало, английская политика никогда не была за прогрессивные явления в жизни колониальных и полуколониальных народов, к каковым относятся также и исламские народы. Наоборот, всякое прогрессивное начинание она старалась задушевать, уничтожить. Факт на лицо: в Индии, среди мусульман, также возникло сильное печение за латинский алфавит, взамен арабского. Как и нужно было ожидать, англичане выступили против, и, замечательно, английские аргументы против нового алфавита совпадают или почти совпадают с аргументами

вышеназванных авторов. Так, в газете «Таймс оф Индия» от 4 октября 1926 г., по поводу развивающегося среди индийских мусульман течения о замене арабского алфавита латинским, в статье «Турецкий язык на латинском алфавите» сказано следующее:

«Модернисты» одержали еще одну победу в Турции, победу, которая задевает турецкую мысль и турецкую жизнь гораздо глубже, чем принудительное введение европейских обычаев и насильственное срывание чадры у женщин. После более чем двухлетней борьбы правительству удалось, наконец, добиться своих целей—латинизации турецкого алфавита. «Аш-Шура» передает, что полномочная конференция около 250 турецких представителей*) окончательно решила, что по-турецки отныне не должно писаться на старом арабском алфавите, но, как и огромное большинство европейских языков, турецкий язык должен пользоваться латинским шрифтом...»

«Прогрессирующие турки всегда находились под культурным влиянием Аравии и Персии, и это, пожалуй, есть последний шаг окончательного разрыва их с Востоком».

«Нас крайне удивляет, как это наши индийские муллы не выскажутся против этого последнего святошества еретиков - турок...»**)

*) Повидимому тут говорится о пюркологическом съезде, созванном в Баку в марте 1926 г.

**) Как это похоже на опасения о разрыве с другими исламскими народами азербайджанских и казанских арабистов и на их логику и соображения. Хороша же основа единства Востока, поддерживаемая англича-

Если бы Алимджан Шараф и его друзья пожелали серьезно заняться вопросом об отношении английского капитала к последним событиям в революционной Турции, то они могли бы заметить, какое злобное раздражение вызывает у «свободолюбивых британцев» всякое прогрессивное явление в возрождающейся Турции. Когда турки революционно избавились от векового ядра своего гнета, от халифата, английская политика не мало сил приложила, ***) чтобы восстановить этот халифат, посредством которого, как орудия мракобесия, воздействовать на пробуждающиеся исламские народы. И отношением англичан к новому алфавиту лучше всего можно измерить его грядущее прогрессивное значение. Нужно сожалеть только

нами! Не могу не вспомнить рассказы наших паломников к святым местам о том, какое прогательное внимание оказывают им англичане, показывая вид уважения к „святому труду“, облегчая переезды; последнее, конечно, за хорошую плату.

**) Вот что говорит п. Троцкий в речи, произнесенной в Тифлисе 11 апр. 1924 года (сбор. «Запад и Восток»): «Национальная Турция сбрасывает с себя феодальные, султанские, халифатские ризы и становится более или менее демократически-буржуазной страной. Это есть шаг вперед. Что же делает правительство Макдональда, меньшевистское «рабочее» правительство? Оно коронуется новым халифом в Хеджасе, так называемым шейхом Мекки и Медины, чтобы иметь в его лице орудие колониального порабощения».

о том, что пов. Алимджан Ибрагимов и Алимджан Шараф оказались на одном фронте, с одной стороны, с англичанами, а с другой--с азербайджанской контр-революцией, с Мамед-Эмином Расул Заде во главе. Да иначе и не могло быть, когда люди не видят направления текущей истории. Еще в другом отношении пылкий Алимджан Шараф и слепой марксист Алимджан Ибрагимов, и многоумудрый Мамед-Эмин, и мировая «лиса-англичанка» оказались на едином фронте: всем им грезится, что тюрко-таатарские народы продолжают пребывать в косности и религиозном фанатизме, и поэтому, взывая к единству исламизма, к былой старой косной культуре, они действуют на народные чувства и сознание. Хотел бы я напомнить «друзьям», что наступили иные времена и протекает иная история: фанатизм заменяется твердым сознанием, что жизнь свою надо устроить здесь, на земле, ничего не откладывая на загробную жизнь, на пот свет; национальным и священным считается здесь, на земле, все то, что ведет к благополучию трудовой массы каждого народа в содружестве с другими. Иных почитаемых идолов нет.

Теперь перейдем «к порочным» основоположникам латинизации у тюрко-таатарских народов. Из них «высокопокровительствуемый», как выражается Алимджан Шараф, Мирза-Фатали Ахундов, действительно, служил переводчиком у наместника кавказского. Что и говорить, звание не звучное. Однако,

он был человеком образованным для своего времени, знакомым с западной литературой и поклонником французских материалистов XVIII в., атеистом на все 100%, не в пример коммунисту Алимджан Ибрагимову. «Для существования мира по своим внутренним законам нет никакой нужды в особой внешней силе, ибо в самом мире заключена его сила», говорил Ахундов. Правда, он в диалектике материалистической ничего не понимал,*) но зато твердо знал, что религия является огромным злом, орудием грабежа и эксплуатации народа. Его ошибка заключалась в том, что он думал, будто путем воздействия на «владык» мира можно будет его исправить. Это, конечно, печальная дань времени, когда мнению приписывалась руководящая роль в общественном развитии, чем страдали также просветители XVIII столетия, будучи последовательными материалистами в науке о природе. Это есть неизбежное наивное противоречие в диалектической истории, противоречие, от которого избавил мир только марксизм.

Мирза-Фапали Ахундов в масштабе своего народа является выдающимся деятелем: он был первым основоположником театрального искусства у азербайджанских тюрок и первым, обогатившим литературу но-

*) Я очень боюсь, что г. Алимджан Ибрагимов тоже ничего не понимает в этой диалектике.

вой формой произведения, не бывшей в пюркском мире. *)

Мирза-Фатали вел самую отчаянную антирелигиозную борьбу, за что не раз подвергался нападкам темной массы. В своих комедиях, например «Мосбе Жордан», он осмеивал суеверия, предрассудки и глупость невежественных людей; особенно он бил по духовенству, лживому и продажному, которое основательно его боялось и ненавидело. **) В этом отношении интересна его книжка «Переписка индийского царевича Кемалид-Доуле с персидским царевичем Желалид-Доуле».

Какой бы чин и ордер ни имел Мирза-Фатали Ахундов, он в истории азербайджанского прогресса занял и займет выдающееся место, как Пушкин в русской литературе.

Что же касается порока Мирза-Мелкум Хана (не мало поработавшего в пользу лапи-

*) Его произведения ныне перепечатываются на новом пюркском алфавите; вероятно, будут перепечатаны творения и других выдающихся авторов, так что заботиться Шарафу о том, что новый алфавит помешает использованию накопленных богатств, не основательно. Впрочем, об этом ниже.

**) Известно, что п. Ленин придавал огромное значение антирелигиозной публицистике. «Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину, публицистика старых атеистов XVIII в.» — говорил Ленин — «сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, рассказы марксизма»... Мирза-Фатали для своего времени, места и народа именно был таким — не чета благочестивому Шарафу

низации в Персии), заключающегося в его армянском происхождении, то кратко отвечу, что у нас, в Азербайджане, и, думаю, нигде слово армянин или иной «гяур» уже не является пугалом.

Но более всего вожди арабистов упорно указывают на профессоров Ашмарина и Ильминского, как на бывших миссионеров, которые, по их заявлению, первые подвергли жестокой критике непригодность арабского алфавита, не только для тюрко-таатарских языков, но и вообще. Признаюсь, — мне мало известно об их миссионерской деятельности, и, к сожалению, я не знаком с их трудами. Но раскритиковать негодную вещь, хотя бы она была святыней для другого народа, еще не значит быть миссионером. Кроме того, они критиковали арабский шрифт, но не в пользу латинского, а в пользу русского. Например, Ашмарин являлся сторонником церковно-славянской азбуки. Шараф же заявляет: „выступление же русских миссионеров, вроде Ильминского, Победоносцева и Яковлева, а также попытки царского правительства ввести среди тюркских народностей русский шрифт административными мерами, в виде правил 31 марта 1906 года, среди этих народностей не имели иных практических последствий, кроме взрывов фанатизма и вражды“... Это верно, но причем же тут латинский шрифт? Что Победоносцевы, Пуришкевичи, Марковы 2-е, Меншиковы и проч. русские черносотенцы вели царскую линию угнетения инородцев, это знают все. Но и все

должны знать, а также вожди арабистов, что николаевской России сейчас нет. Всех этих господ с „бабюшкой-царем“ вместе русский пролетариат навеки, в той или иной форме, вывел из пределов нашего Союза. И сейчас миссионерству нет места, и за латинизацию стоят не миссионеры, а такие же полноправные советские граждане, как и товарищи Шараф и Ибрагимов. Неужели в 10-й год Октябрьской революции еще не должно прийти в себя и можно пугать наше время с миссионерством? Впрочем, это имеет свое психологическое основание. Рассказывают, что один дровосек попал в лесу в лапы медведя, который его настолько сильно помял, что дровосек всю жизнь, при всяком удобном и неудобном случае, вспоминал об этом событии, и ему казалось, когда соседи говорят о нем, так вспоминают о медведе. Повидимому, арабисты еще долго будут в состоянии миссионеро-боязни, и если при царизме такое чувство было естественным и даже прогрессивным, то сейчас оно становится и неестественным, и реакционным.

Теперь перейдем к «порочным» личностям.

Оказывается, „чорт не так страшен, как его малюют“. На пюркологическом съезде представитель Чувашской республики, тов. Пепров, сказал следующее о проф. Ашмарине: „Из того исторического обзора, которое я вам дал, видно, что чувашский мир не был предметом серьезного изучения. Если им и интересовались, то интересовались только отдельные лица, мимоходом, случайно.“

Единственный человек, который, можно сказать, отдал себя всего, все свои молодые таланты этому делу—это Николай Иванович Ашмарин, который дал действительно великолепную грамматику чувашского языка. Я думаю, что такой грамматики многие не имеют. А академик Самойлович о нем же на том же съезде сделал следующее заявление: «Если якуты имели своего Пекарского, то чуваша имеют своего Ашмарина. Ашмарин издал не только грамматику чувашского языка, но собрал колоссальный чувашский словарь, который, к сожалению, до сих пор не издан»...

Что же касается до Ильминского, то о нем на Тюркологическом съезде было сделано следующее заявление Ашмариным в его докладе «О прошлом тюркологии и ее насущном состоянии». «Почти через 20 лет после выхода в свет труда Беплинга была напечатана в Казани грамматика алтайского языка, составленная сибирским миссионером. В составлении ее принимал участие известный ориенталист Н. И. Ильминский, между прочим, издавший замечательный памятник чагойской литературы,—«Бабурнаме». Ильминский хорошо знал тюркские языки, которыми он хорошо владел и практически».

К научным трудам нужно относиться с научной точки зрения, с точки зрения выдержанности определенной школы и установленной в данной области методики, ценности материала и правильности выводов из них, а не с ребяческой, сектантской точки зре-

ния. Подходя таким образом, можем отметить, что в деле тюркологии, т. е. в понимании и изучении материальной и духовной истории тюрко-татарских народов, сами-то представители этих последних имели весьма и весьма незначительную долю. Это прекрасно видно из книги акад. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в России», где, между прочим, читаем следующее «о кавказских мусульманах: «Центры исторической жизни кавказских мусульман, именно города Дербент, Ганджа (б. Елисаветполь), Баку и другие, до сих пор не подвергались подробному изучению. И не было принято достаточных мер для того, чтобы спасти от разрушения сохранившиеся в этих городах архитектурные памятники прежних веков. Несмотря на экономическое процветание Баку, в нем не было никакой культурной жизни. Еще в 1916 году в этом городе не было ни музея, ни библиотеки. Положение изменилось только с тех пор, как Баку сделался столицей Азербайджанской Республики».

Конечно, все это объясняется общей отсталостью. Только с недавнего времени тюрко-татары начинают участвовать в историческом творчестве мировой культуры.

Однако, к этому творчеству нельзя подходить с таким негодным методом, как это делают т.т. Шараф и Ибрагимов. «Русские миссионеры, мол, раскритиковали коран и арабский шрифт, поэтому мы крепче должны держаться за эти последние, применяясь к правилу: «что враг называет хорошим, то

плохо, или обратно». Это правило верно. Но его надо уметь применять. Английский капитал, более могущественный и дальновидный враг, чем какие-то жалкие миссионеры, хотевшие заменить одну веру другой, из которых обе, на наш взгляд, на взгляд марксистов, сплывают друг друга. При этом же «миссионеры» имели в виду не латинский алфавит, а, как я уже выше сказал, русский или церковно-славянский. Кроме того, нельзя смешивать ученых ориенталистов, какими являются Ашмарин и Ильминский, с миссионерами лишь потому, что и миссионеры собирали те же материалы.*)

Другой причиной стремления к латинизации алфавита, по мнению Шарафа, кроме влияния миссионеров и влияния «извне», является идеалистическое настроение сторонников нового алфавита. Он из Ахундова делает следующую выписку: «Основной причиной отсталости мусульманских народностей является система нашего письма... Если бы было писание слева направо и самое начерта-

*) Научные труды Ильминского и Ашмарина никакой связи с миссионерской деятельностью, как таковой, не имеют, хотя бы они оба и числились в миссионерах, главная задача которых всегда состояла в возвращении от исповедуемой религии. Этим занимались попы, которые ничего общего с пюркологией не имели и едва ли интересовались научно вопросами алфавита, грамматики и проч., требовавшими для своего понимания не христианской и исламской догмы, а обще-признанного научного метода, о том или другом применении которого можно говорить, не занимаясь рассуждениями на тему о том, что «веревка--вервие простое»

ние букв приблизили к европейскому алфавиту, то мусульманские народности в культурном отношении были бы даже впереди европейцев, т.-к. основное зерно просвещения и культуры раньше находилось у арабов; но не имея возможности распространения в различных слоях населения, знание просвещения зачахло.*) У европейцев же, благодаря легкости алфавита, культура распространилась и расцвела». Далее Шараф, развивая мысль Ахундова, делает выводы: ...«единственным исходным путем для культурного развития Востока является перемена алфавита. Точка зрения, конечно, более чем наивная, но эта точка зрения, несмотря на свою наивность, все же в той или иной редакции, с теми или иными оговорками, повторяется очень многими дальнейшими лапинистами, вплоть до наших дней, включая и многих лапинистов-коммунистов, как Агамали-Оглы и другие. И так одним из основных корней лапинизма является культурно-экономически-политиче-

*) Между прочим, французский ориенталист (не миссионер ли он? Об этом лучше знает знаток «миссионерологии», Алимджан Шараф!) Эрнест Ренан в своей книге «Аверроэс и аверроизм» также свидетельствует о легком подавлении арабского научного и философского просвещения. «Когда фанатизм внушил ужас властителям, философия исчезла, ее рукописи были уничтожены по их повелению». Если вспомнить, что в то время не было книгопечатания, а арабский алфавит был еще запутаннее, что научные и философские мысли не могли проникнуть вглубь и ширь жизни, т.-е. не имели достаточных сторонников и защитников для самоохраны, следует признать, что Ахундов не совсем не прав в своем выводе.

ская нагрузка Запада и соответствующая слабость мусульманского Востока...» и пр., и пр.

Шараф, выхватив у Ахундова полемическое место, где значение алфавита усиленно подчеркивается, поспешил низвести его на степень наивного ребенка, не желая рассмапривать эти соображения, не лишённые истины, в связи со всеми его произведениями. От Ахундова, принимая во внимание эпоху, в которую он жил и работал, конечно, нельзя было и претововать научно-марксистского подхода к поставленным вопросам. К сожалению, таким подходом в тюрко-таатарском мире не совсем удовлетворительно владеют и путаются между трех сосен, как это систематически случается с Шарафом и Ибрагимовым. Ахундов не один только алфавит выставлял причиной отсталости тюрко-таатарских народов и Персии. Он вел усиленную борьбу с деспотией, заповорничеством, многоженством, с невежественным и жадным духовенством, с арабизмом, с учением корана, из которого приводил, например, такие стихи: *Ja əjjuhəlləzinə amənu, latəs'əly əp əzja'i, əp təbduləqum və təsyqum*, что в переводе означает ни более, ни менее как: «О верующие, не спрашивайте о вопросах, которые могут вас изменить и испортить!»*)

*) Переписка индийского царевича Кемалид-Довле с своим другом, персидским царевичем Джалалид-Довле»-Мирза-Фатали Ахундова, недавно только изданная на новом алфавите. (Вообще, появляется в печати впервые).

Он имел также представление об основном значении промышленности и техники. Правда, у него можно было найти много наивности. Например: он полагал, что хорошие цари, близкие к народу, при помощи справедливых законов, могут облагодетельствовать народ и создать благополучие на земле. Но таких грехов можно найти у многих выдающихся людей в истории. Например, английский социалист Оуэн думал, что путем пропаганды и воздействия на капиталистов возможно осуществить лучший производственный порядок вещей.

Что Ахундов не имел марксистского подхода, не давал марксистских определений, это верно, и для того времени это даже и небольшой грех, но что он, нападая на такие надстройки, как религия, гаремщина и проч., делал революционное дело—это не подлежит сомнению; что же касается отношения его к алфавиту, то и здесь мы не видим никакой наивности, хотя он красочно преувеличивал значение его в ходе материального развития человечества. Для того времени и того быта с присущим ему сознанием именно такая аргументировка могла вызывать у читателя должный эффект. А если мы найдем в формуле «базиса» и «надстройки» надлежащее место для алфавита и письменности, вообще, то Ахундов окажется не совсем неправым. В следующем положении Маркса: «в управление своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли не зависящие

отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил.... выражение: «материальных производительных сил» включает, кроме прочего, еще и технические орудия производства, иными словами: «определенному качеству техники (производительных сил) соответствует и определенная экономика (производственные отношения)».

Маркс не отрывает экономики от техники, так как производственные отношения людей суть как раз те самые отношения, в которые они вступают друг с другом, производя, трудясь, т. е. «приводя в движение внешние производительные силы и сами будучи производительной силой».

Маркс не отрывает и техники от экономики, ибо техника есть не что иное, как трудовые отношения людей к внешним для общества силам.*)

Отношение знаменитого базиса к не менее знаменитой надстройке Г. В. Плеханов определяет так:

«1) Состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические соотношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической основе; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней

*) «Исторический материализм» — В. Сарабьяна — популярные очерки.

социально - политическим строем, психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики».

Может ли письменность остаться в стороне от этой формулы, выражающей всю совокупность отношений жизни человеческого общества, и в каком этаже ее место?

Если представить себе, какое колоссальное значение имеет письменность в современном хозяйстве и экономике, в государственном управлении и общественных отношениях, в науке и литературе и, вообще, во всей материальной и духовной жизни человека, то ее место в поступательном ходе истории должно находиться не в надстройке только, но и в базисе, и именно в области технической части его. Правда, письменность во всех частях и базиса, и надстройки играет служебную роль, а не воздействует непосредственно, но в области материальных производительных сил она так связана с технической частью (например математические исчисления при постройке заводов, фабрик, машин, дорог и проч., счетоводство, делопроизводство, финансовое хозяйство и т. п.; основные научные дисциплины: физика, химия, механика, математика, статистика, систематика и проч.), что без нее (письменности) современная индустрия невозможна. Чем совершеннее эта техника, т. е. письменная часть, тем выше производительность. Вот почему арабский алфа-

вит делает все новые и новые уступки: напр., как в Турции, так и во всех пюрко-тапарских странах математические формулы уже изображаются принятой в Европе формой, с писанием слева направо, так что главные части наук, т. е. части все более и более срастающиеся с практической жизнью, непрерывно распущей, уже на $\frac{3}{4}$ наполняются латинской системой изображения формул и исчислений. Основой же письменности является алфавит, и чем выше по своей конструкции эпох последний, тем производительнее ее обслуживание. А без письменности никакого прогресса быть не может.

Изобретение и распространение письменности, вызванное к жизни ростом производства еще на заре культуры человечества, не могло остаться без организующего влияния на общественные отношения, в смысле появления письменных законов, укрепления и фиксирования устных преданий и опытов и проч. А в дальнейшем письменность входит во все поры изменяющейся и осложняющейся культуры человечества. И сейчас невозможно существование культурного государства без письменности. Для советского же строя, стремящегося втянуть всю массу в творчество новой социалистической истории, она является могущественным средством.

Таким образом, Мирза-Фатали ошибся не в значении письменности для прогресса. Он не понимал, что в застойных странах, где вся производственная сила находится на

низкой степени развития, а хозяйство в ко-
сности, никакой общественно крупной пере-
мены сделать нельзя. И если бы каким-либо
чудом в те времена азбука была заменена
новой, латинской, то, несомненно, в жизни
тюрко-таатарских народов получился бы за-
метный сдвиг в сторону дальнейшего разви-
тия, путем более легкого усвоения и распро-
странения на родном языке уже накоплен-
ных чужим трудом высших технических зна-
ний и опыта. Но этого не могло случиться,
потому что время для того тогда еще не
настало, т. е. не было массовой потребно-
сти, возникающей только из роста матери-
альных сил.

Но если письменность является необхо-
димым условием культурного развития, так
сказать, одним из технических элементов
его, то совершенно не безразлично, каким
качеством обладает алфавит этой пись-
менности. Таким образом, спор об алфавите
должен был свестись к определению его ка-
чества, к объему его производительности, а
не к тому, кто и какое отношение имеет к
данному алфавиту. Если данный алфавит
создает экономию в количественном и в ка-
чественном отношении, во времени и про-
странстве, т. е. если он способствует более
быстрому усвоению и распространению гра-
моты и печатных произведений, то он ста-
новится необходимым пролетариату, хотя
бы его выдумал сам чорт, а не только что
миссионеры. Стоит только вспомнить заве-
щия тов. Ленина в области народного прос-

вещения, чтобы понять, какое колоссальное значение имеет совершенный алфавит в качестве технического орудия.

Не потому ли тов. Ленин признал делом революционным на Востоке*) замену для тюрко-татарских языков арабского алфавита новым, построенным на латинской системе.

Раз это революция, — а это несомненно так, — то противники наши вольно или невольно оказываются у контр-революции и в объятиях клерикальных мулл.

Такова сила техники. Она находится вне какой бы то ни было морали. Подходить к технической оценке орудия производства с моральной, национальной и др. точек зрения ни в каком случае нельзя; такой подход никуда не годится, — он не марксистский. Это положение верно, несмотря на то, что с арабским алфавитом недавно только были связаны народные верования, привитые духовенством, в божественное происхождение последнего (подобные верования в глухих уголках продолжают еще существовать и поныне.)

Алимджан Шараф и Алимджан Ибрагимов как раз пользуются негодным методом в этом вопросе, приплетая сюда в качестве аргумента моменты моральные (миссионе-

*) Алимджан Шараф сомневается в этом знаменательном факте, но как ни неприятно Шарафу и многим другим консерваторам, а факт остается фактом; о нем мною было напечатано еще в 1922 г., при жизни тов. Ленина. Свидетелем факта был т. Енукидзе, который и по сей час здравствует.

ры), политические (воздействие «извне»), национальные («ломка—национальной культуры») и проч. Они не способны понять и не понимают, что нет и не может быть единой национальной культуры.

III. Национальная культура.

Почему арабистов пугает, что с заменой арабского шрифта новым, на латинской системе, произойдет «ломка основных элементов национальной культуры»?

Что такое основной элемент национальной культуры?

Понятие самое бессодержательное. И таким бессодержательным понятием смело и развязно оперируют противники латинистов.

Прежде всего, в марксистское определение понятия нации письменный элемент не входит. Тов. Сталин так определяет нацию: «нация — это исторически сложившаяся, устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющаяся в общности культуры».

«При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имея свою историю, начало и конец.»*)

Конечно, с таким определением буржуазные идеологи могут и не согласиться. По Шпрингеру: «нация — это союз одинаково мыс-

*) Кстати, тов. Ибрагимову и его соратнику Шарифу было бы очень полезно познакомиться с сочинениями т.т. Ленина и Сталина по национальному вопросу.

лящих и одинаково говорящих людей», а по Бауэру: «нация — это вся совокупность людей, связанных общностью характера, на почве общности судьбы.»*)

А есть и такие авторы, как Освальд Шпенглер, Н. Я. Данилевский, которые человечество делят на обособленные культурно-исторические типы и культуру понимают, как «внешнее выражение определенного строя свойственной ей души». И в национальные элементы они вводят и социализм, и математику, и проч.**) Но и они о письменности, свойственной «немецкой» культуре, «русской» культуре, не говорят. Может быть, кроме Алимджан Шарафа и Алимджан Ибрагимова, найдутся еще авторы, считающие письменность элементом национальной культуры, но книги их мне не попадались (почему бы Шарафу и Ибрагимову не выступить со своей школой в национальном вопросе?); однако, в сущности, это и не важно, потому что существующие факты говорят оппозитно не за них; например: исламский мир состоит из разных национальностей, но имеет единую письменность на арабском алфавите. Письменность, таким образом, является не элементом национальной культуры, а, вообще, элементом человеческой культуры. С другой стороны, что же такое национальная

*) Обе выписки взяты из статьи тов. Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

***) Из статьи «Гибель Европы или торжество материализма» — тов. А. Деборина, помещенной в его книге «Философия и марксизм» (сборник статей).

культура? Надо это понятие конкретизировать, не считая, что оно само собой понятно.

Представители культуры русского самодержавия формулировали национальную культуру в лозунге: «самодержавие, православие и народность». Но самыми распространенными лозунгами были: «царь-батюшка», «любовь к отечеству» и «народная гордость». Носителями национальной культуры были выдающиеся общественные мыслители, представители российского дворянства, купечества, представители русской науки, искусства». Только они одни понимали Россию, как единую нацию*)

Однако, в этом национальном самосознании участие русских рабочих и крестьян было слепым. «Русские рабочие и крестьяне», — жалуется идеолог единого российского отечества — «насилбно оторванные от сохи и станка и призванные в ряды действующих войск (мировой войны), не понимали, за кого и за что их заставляют воевать. Их начальники, — представители российского правительства, дворянства, купечества и духовенства, — говорили солдатам, что они воюют за Россию.»**)

Гов. Сафаров в своей статье «Основы ленинизма» приводит стихи поэта Д. Б. Веневитинова о такой родине, написанные сто лет тому назад:

*) Образчик национального мышления, приведенный м. Сафаровым в его книге «Основы ленинизма».

**) Из той же книги м. Сафарова.

Природа наша — точно мерзость.
Смирено плоские поля,
В России самая земля
Считает высоту за дерзость.
Дрянные избы, кабаки,
Брюхатых баб босые ноги,
В лаптях дырявых мужики,
Непроходимые дороги,
Да шпицы вечные церквей,
С клистирных трубок снимок верный,
С домов господских вид мизерный,
Следов помещичьих затей.
Грязь, мерзость, вонь и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут;
И вот что многие болваны
«Священной родиной» зовут.*)

По Азербайджану во времена мусаватистов был пущен лозунг турецкого писателя Гей Зия Алпа, прозелитом которого считает себя бывший мусаватский лидер, Мамед Эмин Расул Заде: «Исламлашмак-маасирвлешмек-тюркклешмек» (модернизация, исламизация и тюркизация). Это считалось верхом мудрости. Но что сие значит, едва ли кто понимал. Мамед Эмин же национальную культуру понимал, как проистекающую из исламского центра, священного халифата, с соответствующей идеологией. Что же касается Алимджан Шарафа и Алимджан Ибрагимова, то они, хотя и не определяли

*) Из той же книги т. Сафарова, стр. 216.

Жаль, что тюрко-таатарский мир не родил своего такого поэта, который бы так хорошо расшифровал собственное национальное богатство.

этого понятия, как само собой подразумевающееся и ясное, однако, в общем и целом не далеко ушли от Мамед Эмина.

Но «ломка национальной культуры!» Ведь в действительности сейчас, на глазах у Шарафа и Ибрагимова и у всех других, по всем странам Советского Союза происходит ломка рабочим классом (в том числе пюрко-татарских народов и всех других) материальной стороны нынешних национальных культур, а вместе с тем, конечно, наносится удар за ударом их идеологической части — духовной культуре. Если национализированы земли для более правильного распределения их среди трудового населения, если изгнаны помещики, если заводы и фабрики отняты у капиталистов, для социалистического накопления и управления, если последовательно ликвидируется частная торговля внутри, а внешняя торговля целиком находится в руках пролетарского государства, если политическими правами пользуются одни, именно те, которые прежде этих прав не имели, и не пользуются другие, именно те, которым ранее принадлежало это право, как господствующему классу, и если по всему Союзу осуществляется одна форма управления и единая экономика, и идет объединение экономических начал, имеется единое финансовое управление, единое войско, единая почта, транспорт, если объявлены несуществующими государственные границы, если объявлено полное равенство мужчин и женщин, если устранены от участия в устройении челове-

ческих дел всякие божеские соображения и иные национальные ценности, если лишены прав муллы, попы и др., и если, кроме того, духовно-культурный советский рынок наполняется социалистической литературой, в которой все явления мира, общества и природы выступают в совершенно ином освещении, чем было до сих пор в, так называемых, национальных культурах и т. д., — то не подлежит же никакому сомнению, что мы переживаем эпоху ломки обособленных национальных культур, иными словами, пролетарскую революцию.

А что же такое революция? «Всякая революция означает не что иное, как разрешение противоречий и, следовательно, создание новых форм, благодаря которым люди поднимаются на более высокую ступень культуры. С этой точки зрения победа революции есть величайшая победа культуры».*) А у нас произошла пролетарская революция, которая кладет основу пролетарской культуры, как материальной, так и духовной, взамен существовавшей до того буржуазной феодальной культуры, т. е. культуры бывших господствующих классов. Смысл пролетарской культуры «состоит в восхождении от низшего к высшему, в освобождении человечества от ига природы и господствующих классов», — говорит тов. Деборин в той же статье. Далее он пишет:

«Итак, смысл культуры ныне состоит в освобождении от слепого господства сил

*) «Революция и культура» — А. Деборина.

природы и эксплуататоров; в этом заключается отрицательная сторона культуры, положительная же ее задача состоит в подчинении сил природы человечеству и планомерной организации общественной жизни людей и их сотрудничества, в реорганизации производства на новых началах. Пролетариат усматривает высший смысл культурного развития в том, чтобы, по мере возможности, возложить бремя труда на безжизненные силы природы и, таким образом, добиться для человека человеческого существования. В этом смысле культура означает, непрерывное расширение человеческой свободы и избавление трудящихся масс от ига капитала...» Отсюда ясно, что пролетариат, «являясь» истинным борцом за прогресс, а, следовательно, за культуру, есть носитель «обще-человеческого культурного идеала», а не только национального.

Ну, а национальная культура? Она будет обновлена, очищена, переработана, лишена взаимной национальной ненависти народов, конкуренции и войн из-за рынка; не будет угнетения одного народа другим, человека человеком, не будет уже и частной собственности на средства производства, веры в сверхъестественное существование; останется только вера человека в самого себя, в свои собственные силы; не будет больше узурпаторов, обманщиков и дармоедов — такова будет национальная культура труда, освобожденного от капитала; национальная культура трудящихся масс на основе коммунистичес-

ких общественных отношений, коммунистической экономики. Значит, новая национальная культура будет качественно совершенно иной. Национальное в общечеловеческом найдет свое «иное бытие», под влиянием собственной географической среды.

Эта культура хотя и растет быстрым темпом, но все-таки только что нарождается. Этой-то нарождающейся культуре, с ее всеобъемлющими идеями, и призывается самой жизнью служить новый алфавит, в качестве совершенного орудия производства, в качестве будущей техники. К лицу отживающей тюрко-татарской культуры новый алфавит, действительно, не подходит, с этой культурой сросся именно арабский алфавит, с идеей божественного его происхождения.

Если прав проф. Поливанов, а я думаю, что он прав, — что «новая русская орфография» (революционно измененная — А. О.) означала собой демократизацию письменности, уничтожение одного из нескольких признаков привилегированного положения интеллигенции (в виде необходимого для «вполне образованного» интеллигента знания правил о «яте») и реальную помощь делу ликвидации неграмотности», то арабский алфавит в этом отношении имел не лучшее значение в так называемой «национальной культуре».

Может быть, Алимджан Шараф и Алимджан Ибрагимов, говоря о ломке национальной культуры при помощи нового алфавита,

имеют в виду два обстоятельства, на которые они и их сторонники постоянно указывают: это, с одной стороны, лицемерная забота об интересах грамотного слоя населения, которому-де с нововведением суждено будет сделаться неграмотным, а с другой—это мнимые опасения, будто с введением нового алфавита все научно-литературные богатства и памятники старой культуры перестанут быть доступными.

Против первого возражения я приведу мнение известного турецкого писателя Гусейн Джагид Бея. Он говорит: «Между слабыми аргументами, выставленными противниками реформы, мы остановимся лишь на одном. Говорят, что, когда эта реформа будет проведена, турки должны будут снова вернуться на несколько лет в школу. Этот аргумент—типичный образец всех вообще возражений, которые думают противопоставить этой реформе. Сколько часов нужно взрослому человеку или даже ребенку, чтобы выучить 25 букв алфавита (латинского), и чтобы, усвоив его и пользуясь буквами, написать уже знакомые ему слова*)? И далее он восклицает: «Турция движется по пути прогресса, и ничто ее не остановит».

Заявление Гусейн Джагид Бея относительно легкой усвояемости нового алфавита на латинской системе, как я уже говорил, вполне оправдалось азербайджанским

*) Стамбульская газета „Эко де Тюрки“ от 5 ноября 1926 г. Передовица под заглавием: „Турция движется по пути прогресса“.

опытом, который показывает, что грамотные по старому алфавиту легко переходят на новый. Интереснее же всего то, что противники нового алфавита лучше и раньше многих сторонников усвоили этот алфавит, повидимому, с целью на дискуссиях «доказать» преимущества старого алфавита. Только страсть и любовь к старине закрывают им глаза на собственный же свой опыт. Что же делать? «Привычка — говорящая — вторая натура». Аналогичная тюркская поговорка гласит: «Кечи сую багира багира кечар» (коза переплывает воду, протесняя и крича). Повидимому, в таком же положении суждено очутиться противникам нового алфавита во всех странах. Это — удел всех оппозиционеров против революции, удел наших панисламистов в области письменности.

На второй же вопрос о том, что будет при введении нового алфавита со старой литературой арабской письменности, я уже дал ответ, хотя и сжатый, в своей брошюре «Неопложные культурные нужды тюрко-таатарских народов». В этой брошюре я привожу, во-первых, соображения о том, что немногочисленные ценные литературные произведения могут быть легко перепечатаны, что, отчасти, сейчас и делается в Азербайджане, и что, во-вторых, возможность сохранения связи со старой литературой зависит не от письма данного народа (на арабском алфавите, в особенности), а от степени культурного развития народа вообще. По этому поводу я, между прочим, писал: куль-

турные ценности разных национальностей становятся международным достоянием, несмотря на различие языков и письменности, и только отсталые народы лишены возможности пользоваться ими (как это и было ранее с тюрко-папарами). Например, русский гимназист, знакомясь с творчеством национальных умов, мог, при желании, (с помощью переводной литературы) извлекать блага и из творений гениев других народов: немцев, французов, тюрков и кого угодно.

Так, на русском языке есть переводы Омара Хайяма, а на тюркском их нет*). На русском языке есть целые трактаты, переводные и оригинальные, по исламской истории и науке, а на тюркском ничего этого нет.

«Только культура поднимает сознание и ведет к богатой осведомленности. Турки, узбеки, киргизы, башкиры, азербайджанцы и проч. братские народы, много веков имея единый алфавит (на арабской системе), не только не знали друг друга, но и собственную историю из собственных же источников не могли познавать без помощи европейских исследований. Некультурный народ не может знать ни соседей, ни свое настоящее, ни свое прошлое. Он весь окутан ле-

*) Кажется, впервые сделали пробу истолковать произведения Омара Хайяма авторы из тюрков—Гусейн Даньш и Рза Теофик, но, во-первых, они не могли передать художественно творения этого замечательного восточного гения, и, во-вторых, у них такой язык, что едва ли один человек из ста сумеет преодолеть этот капитальный труд.

гендами, фантазиями, взамен действительности».

В действительности, интерес к старине до революции 1905 года в тюрко-таатарском образованном мире не занимал общественно-видного места; интерес исчерпывался, главным образом, религиозно-богословской дребеденью. Например, проф. Губайдулин в своем докладе на 1-ом Всесоюзном Тюркологическом Съезде в марте месяце 1926 г. на тему «Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов», отмечая ее состояние в николаевскую эпоху, говорит: «список книг, изданных на различных восточных языках, в том числе на тюрко-татарских, в Казани, составленный ориенталистом Дорном, ясно указывает на такое явление: в то время, как в огромном количестве выпускались коран, шаблонные религиозные книги, различные молитвенники и талисманы, мы видим в списке весьма и весьма ограниченное количество более или менее научных и оригинальных книг». Правда, в области исторических исследований и до Октябрьской революции 1905 г. работали отдельные выдающиеся люди, как, например, Марджани, Насирли, Бакиханов и некоторые другие; однако, они не пользовались в своей среде известностью, и, что еще хуже, многие труды их оказались и до сих пор еще неизданными. Например, о Насирли тот же профессор говорит: «но более важные исторические источники, собранные Насирли, до сих пор не изданы. Хотя первая Октябрь-

ская революция и дала сильный толчок к развитию литературы, вообще, и исторической, в частности, на тюркских языках, но совершенно другая эпоха открывается в области исторической науки после Октября 1917 года. Интерес к самопознанию, к истории, к науке сильно подымается. Количество работников умножается, как грибы после дождя. Кроме того, тюрко-таатарские историки с этого периода стали изучать прошлое народа не только с точки зрения эволюционно-политической жизни, но и социально-экономической» (проф. Губайдулин).

Однако, проф. Губайдулин относительно тюрко-таатарских исторических трудов делает следующие интересные выводы: «во-первых, у всех почти тюркских историков не хватало метода и замечалось отсутствие школы, так как почти все они, за исключением некоторых, были людьми, не прошедшими специальной школы. Во-вторых, большинство трудов, написанных на тюрко-таатарских языках, носило популярный характер.*) В-третьих, в этих трудах замечается малое знаком-

*) Мне кажется, слова «популярный характер» следует понимать в смысле ненаучности, ибо в научной литературе имеется весьма много ценных популярных книг, сохраняющих, вместе с тем, полную научность. Укажем, напр., на сборник статей К. Тимирязева «Наука и демократия», в предисловии к которому он пишет: «с первых шагов своей умственной деятельности я поставил себе две параллельных задачи: работать для науки и писать для народа, т. е. популярно». Итак, писать популярно — вовсе не грех, ибо сугубо «научное» писание как раз и не пригодно для нашего времени, времени массового пробуждения.

ство с историческими источниками и специальной литературой, в особенности западно-европейской».

Замечательный вывод! Научные труды без метода, без школы, без надлежащих научных источников — да это же форменно ученическое писание! Нужно откровенно, без боязни и конфуза, сознаться, что мы только-только учимся разбираться в явлениях жизни и истории методологически. Если дело обстоит так в настоящее время, то что же было раньше, при, так называемой, нашей национальной культуре.

Одним из признаков этой культуры, по-видимому, была отчужденность, изоляция от европейской науки и искусства, поэтому недаром проф. Губайдулин высказывает пожелание: « с целью популяризации и приближения исторической науки к тюркской массе, необходимо приступить к переводу важнейших произведений русских и европейских историков по истории тюркских народов..... В тех же целях следует теперь же приступить к планомерному изданию источников по истории, с переводом их на тюркский язык».

Итак только в культурно возрождающемся обществе может пробудиться интерес к познанию самого себя, своего прошлого и настоящего, интерес к изучению жизни и истории других народов и, наконец, явлений природы, не фантастической, созданной богословией и религиозными предрассудками, а живой, реальной.

Всего этого культура застоя, само собой разумеется, дать не может.*)

Вот именно для этой возрождающейся культуры, — характерная особенность которой заключается в том, что она имеет широкую тенденцию приобщить все трудовое население к благам своих высших духовных достижений, — и нужна новая азбука письменности, для выполнения сложных технических задач. Для этой — то высокой цели не пригоден старый алфавит арабский, требующий огромной затраты энергии при применении его для обслуживания сложной современной экономики и культуры, более разносторонней и углубленной, чем во времена арабской гегемонии.

Поэтому, становится совершенно непонятным, каким образом новый алфавит, призванный облегчить нашу задачу в деле насаждения у нас технического просвещения,

*) Академик Бартольд в своей «Истории изучения Востока в Европе и в России» приводит мнение историка Франца Шлоссера о различии между историей запада и историей востока. Шлоссер видел коренное различие между историей запада и историей востока с его деспотическим и иерархическим устройством: „религия, обряды, литература, светское государственное устройство и даже искусство, основанные на том, чтобы все существующее оставалось неизменным, чтобы не допускалось ни дальнейшего развитие собственной культуры, ни влияния культуры иноземцев“.

Конечно, теперь ничего этого нет. Национально-революционное движение охватило весь Восток, а мы, тюрко-татары Союза, находимся в исключительно благоприятных условиях. Но жаль, что до сих пор все еще попадаются носители традиций этой почтенной старины.

может закрыть доступ к национальной старине. Ведь, непрудно будет перепечатать немногочисленные выдающиеся произведения, научные и художественные, как дореволюционного периода, так и послереволюционного, дабы сделать их действительно достоянием широкой массы, которую мы еще очень долгое время не в состоянии будем пропустить через высшие школы. Ведь, только в шедеврах истинных мастеров соответствующая эпоха получает свое более или менее верное отражение, а не в тех бесчисленных, мелких и более или менее посредственных литературных произведениях, которым суждено на следующий день после выхода в свет кануть в лету.

Правда, и мелочи имеют свое значение для изображения картин действительной жизни, а тем более мелочи старины, которая всегда была заманчивой для человеческой любознательности, но они, эти мелочи, неизбежно делаются достоянием специалистов-ученых, через которых о них узнает вся остальная масса. Однако, и для ученых, чем дальше они отходят от прошлого, тем все более сокращается круг наблюдений, причем иногда от внимания их могут ускользать мелкие, но характерные для изучаемой эпохи черты. Так, в физическом мире, если мы отходим от какого-либо пункта, то из поля нашего зрения последовательно исчезают сначала небольшие предметы, а потом и и большие, и, наконец, не надолго остаются видимыми только наибольшие из них, все время меняя свои очертания.

Собственно говоря, все эти рассуждения даже излишни, если не забывать о том, что реформированный арабский алфавит настолько изменился, по сравнению со своим прототипом, что также потерял свою способность связи, сохранив только внешнее сходство малой различимости букв. Прежде гласные буквы «о», «у», «и» и проч. обозначали двумя значками, а теперь обозначают тремя значками.

Разница между реформированным арабским алфавитом и старым, ныне мало заметная для поколения, которое еще помнит старый алфавит, чем дальше, тем более будет ощутительней, и в результате мы будем иметь два самостоятельных, действительно отличных друг от друга, алфавита.

Таким образом, ясно, что реформированный алфавит не может послужить поставленной его творцами цели — создать непосредственную связь со старым, — нанося в то же время огромный ущерб возникающей новой кудьшуре.

Но, к счастью, все непригодные формы осуждены на изъятие из жизни для сдачи в архив.

IV. „Марксизм“ тов. Алимджан Ибрагимова.

Как я уже говорил вначале, дискуссию за и против нового алфавита следовало бы считать законченной, потому что с точки зрения технической обе стороны все соображения свои выставили давно, и теперь идет бесплодное, скучное повторение. Все эти соображения мы в Азербайджане проверили на практике, в массовом масштабе.

Этот массовый опыт оказался целиком и полностью не в пользу арабистов. Сейчас в Азербайджане кто бы и в какой форме ни подошел к предполагаемому «темному» человеку и во что бы ни облачился, в национальную ли погу, или в священную аба (покрывало), с чалмой на почтенной голове и изрядной длины бородой, — дабы восстановить его против «ужасной» новизны, — «темный» человек не поверит никаким хитросплетениям и науськиваниям. И он прав. Он рассуждает просто, по-житейски и, к тому же, хорошо знает подходящие к случаю народные поговорки, напр.: «башына гелен башмакчы олар» (испытавший на себе будет мастером), и далее — «гезинен герен аллахдан якшы билер» (видевший глазами лучше бога знает).

Арабисты, исчерпав весь свой технический арсенал, совершенно проиграв позицию на техническом фронте вопроса, теперь про-

буют свою силу на другом фронте, именно на религиозно-национальном, в том, повидимому, предположении, что тюрко-тапарские массы все еще продолжают пребывать в традиционной неподвижности, типа, отмеченного историком Шлоссером.

Они покопались сначала в происхождении первых латинистов (Мирза-Фапали Ахундова и др.), отметив «нечистые» стороны их звания, причем забыли мудрое правило, что история ценит людей не по тому, какое звание они носили, а по тому, что они делали. *)

Арабисты, начав с метода опорочивания, должны были расширить и углубить его. Сии мудрецы (клерикалы по природе) обвиняют латинистов в походе на ислам и за христианство. Правда, это не было сказано

*) По поводу расхождения между делами и званиями Плеханов приводит пример: «Вспомните, с каким жаром оправдывался от упреков в материализме Лампрехт, сравните также, как оправдывается от него Рапцель, а между тем тот же Рапцель пишет: «сумма культурных приобретений каждого данного народа на каждой данной ступени его развития составляет из материальных и духовных элементов..., они приобретаются не одинаковыми средствами, с неодинаковым трудом и неодновременно... в основе духовных приобретений лежат материальные. Духовная деятельность является, как роскошь, лишь после удовлетворения материальных потребностей. Поэтому, все вопросы о происхождении культуры сводятся к вопросу о том, что содействует развитию материальных основ культуры». Это самый недвусмысленный исторический материализм, только гораздо менее продуманный и потому не такой высокопробный, как материализм Маркса и Энгельса.

Г. В. Плеханов — «Основные вопросы марксизма»

столь явно, но это легко узнать по «душку», арабистами распространяемому.

Для образца, я воспользуюсь статьёй тов. Алимджана Ибрагимова: «Культурно-литературная федерация между тюркскими народами». *)

Сначала позвоительно спросить у товарища «марксиста» (т. Ибрагимов — коммунист), что это за «культурно-литературная федерация? (не пахнет ли здесь пантюркизмом в роде пангерманизма?) — определение или программа, впервые появляющаяся на свет божий, потому что совершенно непонятно, как это можно сговориться о федерировании по культуре и литературе? Ведь, развитие культуры и литературы, как надстроек экономической структуры, находится в прямой зависимости от развития общественных отношений. Если это верно, — марксисты это утверждают, — то «федерирование» культуры должно произойти не только между тюркскими народами в пределах СССР, но и со всеми советскими народами, потому что единообразие экономического и политического строя, именно, клонит к этой федерации.

Повидимому, тов. Ибрагимов подразумевает здесь вопрос о развитии языковой общности и алфавитную унию, иначе выходит так, что телом (экономический и политический строй) с советскими странами, а душой (идеология и литература) со всеми тюркскими странами. Это уж не марксизм, а идеа-

*) Статья помещена в сборнике статей «О первом Тюркологическом Съезде», изданном в Казани в 1926 г.

лизм худшего пипа. Тем более, что из этого ничего не выйдет. Обычно бывает так, что куда тело, туда и душа.

Перейдем к его статье, в которой п. Ибрагимов выступает в качестве пионера своего нового «марксизма», прообраза которого нигде нельзя найти. Суть этого марксизма заключается в том, чтобы использовать против латинистов предполагаемые народное невежество и религиозные предрассудки. Для того, чтобы провести в тюрко-ташарский мир провокационную мысль о том, что нынешняя борьба латинистов и арабистов есть отражение издревле, якобы, начавшейся христианско-мусульманской борьбы, не закончившейся и поныне, тов. Ибрагимов поступает, как ловкий фокусник: он сначала вполне дельно начинает с того, что не следует вопрос об алфавитах смешивать с вопросом религии и национальности, так как вопрос об алфавите есть проблема техники, письменности; затем п. Ибрагимов заявляет, что латинисты перешли все границы технической допустимости, перепутали все понятия, поэтому он, Ибрагимов, вынужден сказать правду, и п. Ибрагимов начинает раскрывать правду восклицанием: «Если на стороне арабского алфавита имеются Бикеевы, то на стороне латинского — миссионеры Ильминские»; далее он начинает рассказывать с болью в сердце о борьбе между исламом и христианством чуть ли не со времен крестовых походов, борьбе, развернувшейся и на поле миссионерской деятельно-

сти, бесконечно склоняя слова: «миссионеры» «самодержавие», «гнет», «русские», «европейцы» и пр. А далее он уже запугивает: «но вопрос в пределах России не кончается. Под маской *) исламизма и христианства борьба старых времен принимает всемирное распространение. Это (борьба) не остается лишь между чалмой и крестом. Может быть, усиливается и на культурной арене. Английские, итальянские и французские миссионеры, опираясь на свои капиталы и силу техники, среди опстальных народов и племен распространяют католическую и протестантскую веру». Но что ужаснее всего: «по латинской структуре создают новый алфавит, на народном языке выпускают христианские молитвы и евангелие. Это очень хорошо всем известно!» И далее: «Исламские миссионеры, имея за собою слабое правительство, начиная с XVIII, XIX и XX столетия (не умея противостоять) не примирялись в этом и сейчас примириться не желают (какие национальные революционеры!), и сейчас борьба продолжается.

Не выдаешь ли тов. Ибрагимов здесь себя головой? Милый мой товарищ, ведь все это ничем не отличается от того, что говорят наши муллы ежедневно в мечетях.

*) Выражение «под маской» есть прикрытие нужной вылазки, чтобы рассказать о якобы издревле существовавшей исламо-христианской борьбе, а не взаимном грабеже, вообще, народами друг друга, как, на прим. пленение турецкого султана Баязета Тамерланом, захват османскими турками арабского халифата и пр. Плохо рассказывает т. Ибрагимов историю с марксистской точки зрения.

В этой борьбе м. Ибрагимов с гордостью заявляет себя на стороне мусульманских мулл. Ясно, что латинисты на стороне христианских миссионеров! Однако, суть факта заключается в том страшном моменте, что тем же самым орудием, которым пользовались миссионеры—новый алфавит на латинской системе—для победы над бедным исламом, теперь сторонники латинизации думают пользоваться на культурной арене для тех же битых народов. Допустимо ли это, справедливо ли это?

Латинисты думают, что это даже необходимо, потому что в области письменности это более совершенная техническая основа. Тут как-то невольно мне в голову приходит анекдот из турецкой военной жизни. *) Не помню, при каком султানে турки приобрели полевые орудия новой конструкции, которыми их били проклятые гяуры. Но пользование гяурскими продуктами было не дело ислама, а защищаться надо, и вот их муллы нашли выход—очистить орудия мусульманским маслом и божественными молитвами. И для нас есть реальный выход из этого «конфузного» положения. Если мы вложим—а это так и будет—в нашу новую письменность на новом алфавите иное содержание, чем евангелие или коран, то легче будет попадать в обоих народных врагов, и в мулл, и в попов, не становясь ни на чью сторону...

*) К сожалению, не помню, где и у какого автора читал это. Но это не важно, если даже анекдот сочиненный, он, во всяком случае, весьма правдоподобный.

И почему тов. Ибрагимов думает, что правильнее стать коммунисту-тюрку, при такой ситуации, на сторону исламских мулл, находясь в то же время в советской стране, где о миссионерах и речи быть не может, и никакого противоположного фронта нет. И неужели тов. Ибрагимов думает, что если в зарубежных капиталистических колониях христианские миссионеры пропагандируют христианство, так мы, тюрки-коммунисты, или даже просто советские тюрки-татары, должны вести здесь исламскую религиозную пропаганду?

Ну, и марксист!

Латинисты думают, что, вообще, необходимо вести пропаганду анти-религиозную и против христианства, и против исламизма, усиливая ее особенно против исламизма, чтобы ослабить религиозные предрассудки именно среди исламских народов и, избавив их от этого яда, увеличить их сопротивляемость как природе, так и угнетателям, будь то христианин или свой исламский брат. *)

И, наконец, по какой истории он, Ибрагимов, дошел до смелой формулировки исламо-христианского фронта. Разве он забыл —

*) Грубая народная поговорка этот момент резко оппеняет; смысл ее таков: «нечисть, вообще, одноценна».

И потом, неужели тов. Ибрагимов не понимает величайшего зла, происходящего от религий вообще: исламской, христианской, иудейской, буддийской и проч; чтобы их подразделять на «свое» и «чужое»? Религия — народный бич, как холера, чума и проч. эпидемические болезни. Можно ли говорить о родной и чужой холере?

если не перевозить далекого прошлого, где также много исторических фактов против марксиста, тов. Ибрагимова, — последней капиталистической войны, где на фронте боролись с обеих сторон до крайней степени напряжения совместно мусульмане и христиане: на стороне проиственного союза — Германии, Австро-Венгрии, — была мусульманская Турция, а христианская Италия своею временно изменила своим друзьям и перешла на сторону другой разбойничьей шайки (так называемого проиственного соглашения) — самодержавной России, республиканской Франции, «свободолюбивой» Англии, в войсках которых участвовали войны из Казани, Крыма, Азербайджана и проч., войска исламской Индии, из Марокко, Алжира и проч. А затем буддийская Япония вмешивается в борьбу единобожников в самый разгар, когда обе стороны объявили борьбу «до победного конца». В то же время русская пролетарская революция устами своего вождя, Владимира Ильича Ленина, объявила «войну войне», «гражданскую войну», взамен отечественной (казалось бы, по «тактическим соображениям», надо было стать на сторону отечества, как и случилось это со многими, а люди, в роде Ибрагимова, наверное, от души молились за победу турецких феодалов и мулл.)

Лозунг тов. Ленина был направлен не только против отечества, но и против религии, в то время как на фронтах попы призывали к защите православия.

Да и как можно говорить об едином исламском или христианском фронте в религиозном смысле, в особенности при наличии коммунистической армии, в христианском мире насчитывающей миллионы людей, а в мусульманском — сотни тысяч, которые не только порицают всякую религию, не становясь ни на ту ни на другую сторону, но и всякую иную националистическую дребедень. Да и можно ли, вообще, и теперь, и до революции говорить о борьбе единого ислама, хотя бы на религиозном фронте, против единого христианства. Сейчас во всех мусульманских государствах: Турции, Персии, Афганистане и др., идет отчаянная борьба не только с духовенством, но и с самими основами религии.

Как мог забыть тов. Ибрагимов, что наше время есть время борьбы двух гигантских сил — мирового империализма, с одной стороны, а с другой, — всемирного пролетариата в союзе со всемирно-национально-революционным освободительным движением угнетенных?...

Вот счастливый марксист, живущий вне истории!

А разве высшие идеологи европейской общественности и литературы, например, материалисты XVIII столетия, просветители XVIII столетия, философы XIX и вся марксистская литература, занимались защитой христианства против исламизма?

Не годится, товарищ, в каких бы то ни было интересах, и даже священных, все

валишь в одну кучу, тем более, что в темном исламском мире сравнительно не мало атеистических течений.*)

Конечно, это всем известно, кроме исламского марксиста, т. Ибрагимова. А, ведь, плохо разбирающаяся масса в самом деле подумает, что было и существует два фронта: христианский и исламский. Но именно это и хочет внушить массе т. Ибрагимов, идя на все, лишь бы взорвать прогрессивное движение за латинизацию, которую он, якобы, «принципиально» признает.

Если он, инициатор исламо-христианского фронта, действительно думает так, как пишет, то можно сказать, что т. Алимджан Ибрагимов забыл, что «истина кон-

*) Я уж не говорю об арабской философии, насквозь пропитанной атеизмом, напр., учение Аверроэса. Да и, вообще, арабы очень мало и теперь верят в собственную религию, ставя на первый план «утоление голода и спраси», а религия в их глазах орудие для поборов с других народов. По этому поводу уместна маленькая выписка из ст. проф. Добролюбского «Возникновение ислама в новом освещении», помещенной в журн. «Новый Восток», № 4, за 1923 г., и составленной на основании капитального труда Каэтани. Вот что читаем мы там: «...равнодушие арабов к религиозным запросам, их реалистичность и погружение в мирские интересы признаны теперь самыми различными исследователями, и взгляд на арабов, как на народ скептический, не встречает уже возражений...»

Нужно оставить также объяснение успехов ислама, благодаря предполагаемому, а на самом деле мнимому, религиозному фанатизму арабов-завоевателей. Последние приняли ислам, не обращаясь, и сделали из него орудие и средство для приобретения безмерных благ в этой жизни, а не в загробной, в которую они мало верили.....»

крепна», и что, поэтому, борьба ислама с христианством была и является понятием отвлеченным, ибо конкретно существующим только классовые противоречия и столкновения. Впрочем, он путает все, даже самые очевидные вещи. Например, полемизируя с т. Сейфи и другими, которые, якобы, латинскую систему письменности назвали интернациональной, он заявляет: «всем известно, что местом распространения латинского алфавита является буржуазный мир с (его) христианской верой, а остальные в стороне. (Стр. 87)».

Интересно, причем тут христианская вера и буржуазия? Можно подумать, что арабский алфавит обслуживал и обслуживает исламский демократический мир, что арабский алфавит есть письменность демократии, а латинский — письменность буржуазии.

Ах, и путаник же этот т. Ибрагимов!

Однако, если принять во внимание, что мировую политику делают именно Европа и Америка, т.-е. народы латинской письменности, а не арабской, и что международные письменные сношения происходят именно на этом алфавите, а не на китайском, японском или арабском, то нужно полагать, что товарищи, назвавшие этот алфавит интернациональным, более близки к истине, чем т. Ибрагимов и его кампания.

На 82-й стр. тов. Ибрагимов путается еще больше, он пишет: «почти все классы татар и политических групп в этом вопросе на одной позиции: «здесь имеются и муф-

пии, и муллы, и беспартийные». Вместе с этим, гордо заявляет м. Ибрагимов: «христианство всего тюрко-татарского мира находится с нами, с нами же борцы против капитализма». (Какая величественная поза!!)

Хорош же фронт м. Ибрагимова против капитализма—с муллами, да с муфтиями! Это одно. Безмерно смел тов. Ибрагимов, объявляя себя носителем сознания тюрко-татарской трудовой массы. Если бы это было так, то это было бы глубочайшим несчастьем для этой массы. Думаю, что, к счастью, это далеко не так (об этом особо в следующей главе), а пока отмечу, что мнение м. Ибрагимова о революционности тюрко-татарской массы, по существу, прямотаки оскорбительно, ибо он, не обинуясь, заявляет, что введение латинского алфавита в жизненный обиход тюрко-татар будет принято ими недоброжелательно, как навязанное им христианской религией. Очевидно, м. Ибрагимов предполагает в тюрко-татарских массах не революционное, а еще слишком косное сознание. Что м. Ибрагимов действительно убежден в низком состоянии сознания тюрко-татарской массы, это видно хотя бы из того, что его аргументы всюду носят провокационный характер и все время вертятся вокруг да около понятий: «христианство», «ислам» и пр. Например, на 90-й странице он приводит, между прочим, стих из корана, где говорится о том, будто современем весь мир обратится в ислам, и поясняет далее, что, с другой стороны, попы

уверяли мир, что все будут поклоняться Иисусу. Спрашивается, к чему этот исторический экскурс? Повидимому, для того, чтобы показать, будто борьба за веру происходит и ныне, хотя и в другой форме. Ну, а причем тут алфавит? Разве он тесно, органически связан с религией? Конечно, нет. Доказательством может служить христианская религия, не связанная с каким-либо определенным алфавитом. Например, есть арабы-христиане, имеющие арабскую письменность, а есть и такие христиане, которые имеют свою совершенно обособленную письменность: армяне, грузины и пр.

Вообще, для тов. Ибрагимова не существует ни истории, ни фактов... Замечательный человек!

Всего вздора, скопленного в книжке т. Ибрагимова, невозможно передать. Но еще на одном образчике его марксизма я должен остановиться. На вопрос одного своего оппонента (стр. 70): «разве арабский алфавит вечно останется, или это есть временная необходимость?» — тов. Ибрагимов развязно отвечает: «ведь для марксиста это смешной вопрос; известно, что «ничто не вечно под луной!» Далее он развивает мысль об изменчивости истории, о том, что современем нынешних границ между народами не будет, что теперешние языки, алфавиты, литература и пр. — все изменится.

Однако, скажем мы, в таком марксизме нет и капли истинного марксизма, ибо из него исторгнута самая душа революционного

марксизма. например, учение о познавании мира и необходимости его изменения. Без таких понятий, как «революция», »скачки», «прерывность», без понятия «переход количества в качество», и наоборот, без понятия о скачкообразности, марксизма не существует; иначе это будет «вульгарная эволюция». Такую же поспешность, которую речует м. Ибрагимов и его друзья, не отрицает и весь буржуазный мир и, думаю, даже богомольная азербайджанская старушка, которая знает, что, когда ангел Исрафил затрубит в свою трубу о конце мира, то все изменится.

Буржуазия, именно, не любит марксизма за его революционность. По этому поводу м. Деборин в статье «Тов. Лукач и его критика марксизма» говорит: «Их (т. е. критиков) нетерпимость объясняется тем, что они «терпеть не могут», как выразился Плеханов, некоей революции, и некоей диктатуре.

Конечно, все изменяется, и одно переходит в другое. «Количественное изменение, постепенно накапливаясь, переходит, наконец, в качественное. Эти переходы совершаются скачками и не могут совершаться иначе». *)

О путаниках, подобных м. Ибрагимову, м. Деборин говорит: «Г. В. Плеханов как-то сказал, что марксизм можно соединить с чем угодно, даже со спиритизмом, вопрос только в том, как можно это сделать»**)

*) «Основные вопросы марксизма», глава о скачках в природе и истории—Г. В. Плеханова.

**) Статья Деборина «Последнее слово ревизионизма».

Товарищ же Ибрагимов сделал это своей смелостью.—На этом мы и покончим с несравненным «марксизмом» тов. Ибрагимова и его друзей.

V. Опора арабистов и грамотность у тюрко-татарских народов.

Арабисты полагают, что тюрко-татарские народы связаны одной единой идеей, но какой именно, ни один из них конкретного определения не давал, кроме многократного упоминания об общей культуре, о чем мы говорили выше. Затем, единство это полагается, повидимому, в арабской системе письменности, хотя арабскую транскрипцию, практикуемую, положим, в Каире, едва ли кто из казанских философов разберет, если не знает арабского языка. Казанский же реформированный алфавит, не обладавая техническими совершенствами, отошел от своего прообразу настолько далеко, что ни один араб и трех строчек не прочтет из сочинения м. Алимджана Ибрагимова.

О каком алфавитном единстве говорит м. Ибрагимов? Это понятно ему одному и его аллаху. Разве единство создается алфавитом? Но почему же Европа, в таком случае, не едина? Допустим, Европа—гяурское создание, почему же тогда ислам не едина?

Мы думаем, что пока существует классовое общество, на какой бы стадии развития ни находились его производительные силы, гнет одних над другими будет существовать, и стремление угнетенных сбросить

силь с себя это ярмо также будет существовать, какому бы богу все они ни поклонялись, какую бы религию они ни исповедывали и каким бы алфавитом ни изображали свое письмо. Это — факт общеизвестный, за исключением самых малочисленных групп людей, которые живут вне истории, вроде м. Ибрагимова.

Т. Ибрагимов верит в единую психику или единое миропонимание всех тюрок снизу доверху, за исключением «нечистоплотных» латинистов, сделавшихся проводниками миссионерских идей в советских странах. Поэтому м. Ибрагимов смело и уверенно апеллирует к 90% темной, по его мнению, массы об опасности, грозящей религии. Конечно, все это становится понятным не из отдельных выписок, а из всей статьи, в которой местами вкраплены предупреждения латинистам об опасности их запей в массе верующих. Он пишет на 78-й стр.: «Если бы вы (т. е. латинисты) среди тюркских народов, где 90% мало-мыслящих, в связи с другими широкими задачами, стали считаться, имея смелость, как радикалы, с народным взглядом на этот вопрос (латинизация), то вы (латинисты) оказались бы на легкой чаше весов».

Если к данному вопросу подойти с точки зрения буржуазного демократизма, то тов. Ибрагимов и его друзья могут ориентироваться не на 90%, а гораздо более. Но если к решению этого вопроса приложить советский метод демократизма, т. е. повести

на широких собраниях и конференциях, партийных и беспартийных, дискуссию, агитацию и пропаганду, разъяснив вопрос с точки зрения технической, культурной и национальной, и при том в простой и доступной для широких масс форме, то есть все основания думать, что м. Ибрагимов и арабисты останутся в одиночестве, т. е. таких, как Ибрагимов и его друзья, окажется столько, сколько дореволюционное время передало грамотных настояющему строю, а это очень немного. Если не ошибаюсь, то для Казани, Крыма, Поволжья — от 20 до 30%, а для остальных от 1—5%. В сущности, армия количественно не велика. А качественно? В ней еще достаточно такого элемента, как купцы, лавочники, кулаки, духовенство и пр., от которых сам м. Ибрагимов иной раз открещивается, конечно, для блезира, хотя в случаях патристической надобности и держит с ними единый фронт. (Потребность тактики и стратегии!)

Однако, здесь важно не голосование, а разъяснение. Если расшифровать малоизвестные исторические факты, то революционная масса инстинктивно поймет свою выгоду и, без сомнения, пойдет за руководителями пролетарской революции. Но арабисты-коммунисты в данном вопросе ищут опоры не у трудовой массы и, прежде всего, не у авангардной ее части, а как м. Ибрагимов заявляет, и у мулл, и у кулаков, и пр., словом, без всякого классов. учета, идя нога в ногу с шовинистиче-

ски настроенными интеллигентами и людьми безнадежно зараженными мектебскими учениями. В самом деле, в Татарской Республике считается 30 0/0 грамотных, в Крыму тоже. Но кто же эти грамотные? По словам Алимджан Шарафа, самого товарища Ибрагимова, проф. Губайдулина, выходит, что эту грамотность они имели еще до Октябрьской революции. А мы хорошо знаем, что в это время ни правительство, ни какие-либо общественные организации не заботились о распространении грамоты среди батрацкой, бедняцкой и даже средняцкой части крестьянства, а также в среде пролетариата. Кто мог учиться на свои деньги, тот и учился. А кто тогда мог на свои деньги учиться, неужели непонятно? На свои деньги могли учиться только группы из зажиточной части населения. Только советский строй стремится привить знание именно рабоче-крестьянской массе.

Можно спросить, какое количество советского элемента, т. е. батраков, бедняков, средняков и рабочих обоюбого пола, стало грамотным в тюрко-татарских странах за время советской власти по старому алфавиту? Но если, пребывая неграмотными до революции, они и ныне пребывают неграмотными, по крайней мере, на 70 0/0, то какое же основание думать тов. Ибрагимову и всем другим злополучным арабистам с ним вместе, что эти 70 0/0 пойдут за ними потому только, что их муллы, лавочники, кулаки и прочая братия опходящего мира

грамотны на арабском алфавите. Эта наивность достойна арабистов!

У нас, в Азербайджане, также была упорная ориентировка на предполагаемое народное невежество среди некоторой части интеллигенции, в особенности, среди писателей старого фасона. Но практика им показала, что они прошли мимо истории, что они оказались на фронте отходящих, что рабочий и мужик совсем не те, что были до революции, что они прекрасно своим умом разбираются во всем происходящем, и что они не так уж безнадежно косны, чтобы верить на-слово. Почти кличкой становится выражение Владимира Ильича Ленина: «кто верит на-слово, тот безнадежный идиот». Все те, у кого на языке имя п. Ленина, давно поняли, что с ним соединено отрицание и разрушение всего старого и создание нового. Возможно, что в массе еще непонятно это новое, но зато отход от мучительного старого ощущается всеми. По крайней мере, у нас все, когда узнали, что п. Ленин одобрил латинизацию письменности, поняли, что это надо сделать. А есть ли в Союзе такой медвежий уголок, который бы не знал Ленина.

Товарищ же Ленин сказал, как я много раз везде и всюду рассказывал, что замена старого арабского алфавита новым, на латинской системе — «это революция на Востоке».

А тов. Ибрагимов, марксист и революционер, зовет в свидетели, якобы, пребыва-

ющую в невежестве массу, а также и мулл, вместо того, чтобы разъяснить истинное определение своего учителя.

Наконец, м. Ибрагимов пугает свою исламскую массу, абстрактно им мыслимую, тем, что, если латинский алфавит, паче чаяния, приобретет у них право гражданства, то лучше уж тогда принять русский алфавит, ибо он технически более совершенный. Но это же неискренно, раз миссионеры столь продолжительно копались в инородческой душе. Это выдвинуто затем, чтоб отпугнуть массу от нового алфавита.

Лично мы не боимся ни анафемы, ни русского алфавита, ни того, что мы сейчас воспринимаем русскую пролетарскую культуру, которая абсолютно противоположна всему тому, что осталось нам от наших уважаемых предков.

Латинский алфавит, как и русский, с религиозной точки зрения одинаково гяурский, одинаково составляет предмет греха, так что, принимая тот или другой, мы переходим рубикон между своим и чужим, а дальше выбор принадлежит нам. В Азербайджане мы принимаем латинский алфавит, или, вернее, систему, потому, что почву для этого уже подготовили наши выдающиеся литературные и общественные деятели. Также были наготове образцы учебников (наприм., Абдуллабека Эфендиева). Кроме того, как ни уверяй Алимджан Шараф, латинский алфавит более близок к тюркской фонетике, чем русский. Конечно, всякий алфавит можно при-

способитъ ко всякому языку, до нельзя искажая его.

Но зачем это делать, когда целесообразнее идти по линии наименьших затруднений. Нам, тюркам, необходимо было найти алфавит,*) легко распрощаемый, усвояемый, доступный всей нашей массе, в которой, безусловно, имеются люди и больших, и меньших способностей. Это мы и сделали.

Нет спора в том, что азербайджанцы заинтересованы, чтобы народы одной языковой общности также приняли у себя этот алфавит, для более глубокого и широкого совместного творчества грядущей культуры, однако, азербайджанцы не обязаны, и никто не может обязать их, занять выжидательную позицию, ожидая, что скажет «Марья Алексевна».**)

Наконец, выставляется еще один жупел против нового алфавита — возможность ассимиляции с другими народами. Правда, ясной постановки этого вопроса в литературе нет, но когда кто сугубо стоит за свое, то это говорит за боязнь попери «своего», т. е. боязнь подвергнуться ассимиляции. Прежде всего, если ассимиляция предполагает образование высшей формы жизни и высшего типа человека, то разве стоит жалеть об этом? С другой стороны — письменность, как таковая, не может вести к ассимиляции. Тюрко-

*) Нет спора, при этом учитывался и политический момент: русский алфавит представил бы для нас еще большие затруднения.

***) Персонаж из «Горе от ума» Грибоедова.

папары, имея более тысячи лет арабское письмо и искренно, не за страх, а за совесть, стремясь всецело распвориться в арабской стихии, не достигли цели, но зато в достаточной мере искалечили себя, восприняв арабские догмы и ложно-классическую литературу, полную арабских оборотов, и все это делалось из желания арабизироваться, как в изображении звуков, так равно и в их произношении. В этом отношении впереди всех шли османские и азербайджанские тюрки. Однако, для ассимиляции нужны особенные условия, какие, например, оказались в Италии, где «нынешняя италянская нация образовалась из римлян, германцев, эпрусов, греков, арабов, и т. д., и где все ассимилировалось в одну единую италянскую нацию.

Долго останавливаться сейчас на этом «превожном» вопросе нет разумного, логического основания. Лишь одно несомненно: мы должны предоставить тюркской отсталой трудовой массе условия, методы и орудия, посредством которых она будет черпать из сокровищницы знаний и мудрости, накопленных человечеством в течение многих тысячелетий, освободив ее, таким образом, из душного национального мешка. И несомненно, все эти изменения окажутся к ее благу, открывая новые перспективы и возможности. Тогда возрожденная тюркская масса, без указки Ибрагимовых и других, сама найдет свое национальное место в системе советских народов. И в таком движении, в таком развитии нет «моего» и «твоего», а есть необ-

ходимость, вытекающая из хода историй,
ведущего к социализму.

Надо расчищать этот великий путь, а
не засорять его.

В этом, и только в этом наша задача.

Bibliothek der
Deutschen
Morgenländischen
Gesellschaft.

Оглавление.

	Стр.
Предисловие	3
I. История проведения в жизнь нового тюркского алфавита в Азербайджане	6
II. Негодный метод	22
III. Национальная культура	45
IV. Марксизм т. Алимджан Ибрагимова	62
V. Опора арабистов и грамотность у тюрко-та- тарских народов	77

D: Fai 21433

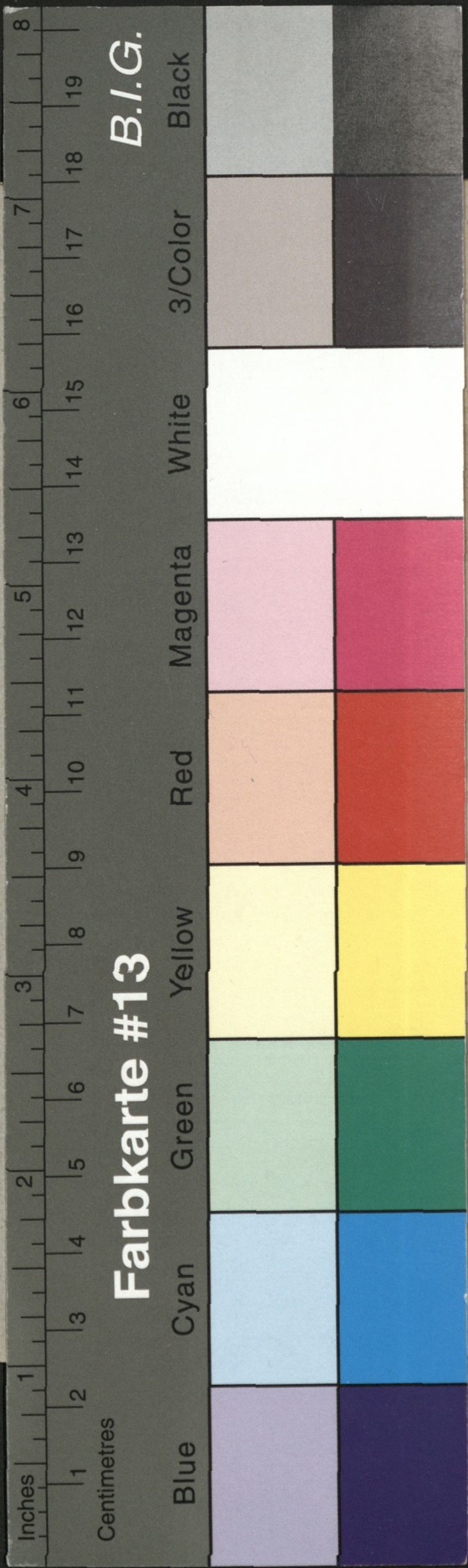

ULB Halle

001 409 700

3/1

B.I.G.

Farbkarte #13

С. АГАМАЛИ-ОГЛЫ.

Агамали: Учените 1930/245

В ЗАЩИТУ
НОВОГО ТЮРКСКОГО
АЛФАВИТА

„АЗГИЗ“
1927

